

Джейн Остин

*НОРПЕНТЕРСКОЕ
АББАТСТВО*

Джейн Остин

Нортенгерское аббатство

«Автор»

2026

Остин Д.

Нортенгерское аббатство / Д. Остин — «Автор», 2026

«Нортенгерское аббатство» с его ярким юмором и неукротимой героиней, это самый живой и оптимистичный роман Джейн Остин. Он рассказывает историю юной, впечатлительной Кэтрин Морланд, чье первое знакомство со светским обществом открывает ей мир готических романов и утонченного высшего света. Она в восторге от новых знакомств: кокетливой Изабеллы, разделяющей любовь Кэтрин к готическим романам и ужасам, и утонченных Генри и Элеоноры Тилни, которые приглашают ее в таинственный дом своего отца, Нортенгерское аббатство. Но там, под влиянием романов, полных искренних чувств и интриг, трогательной наивности и отвратительного коварства, Кэтрин представляет себе ужасные преступления, совершенные генералом Тилни.

© Остин Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГА ПЕРВАЯ	5
Глава 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	12
ГЛАВА 4	15
ГЛАВА 5	17
ГЛАВА 6	19
ГЛАВА 7	22
ГЛАВА 8	27
ГЛАВА 9	32
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Нортенгерское аббатство

КНИГА ПЕРВАЯ

Глава 1

Никто из тех, кто увидел бы Кэтрин Морланд в детстве, не смог бы предположить, что она рождена, чтобы стать героиней романа. Образ жизни, характеры ее отца и матери, ее собственная личность и характер – все было в равной степени против нее. Отец ее был священником, совсем не бедным и не обделенным вниманием, а, напротив, даже весьма уважаемым человеком, хотя звали его, конечно же, Ричард, и он никогда не был приятен собой. Помимо служения в двух приходах он обладал приличным собственным состоянием и нисколько не был склонен держать своих дочерей в строгости. Мать ее была женщиной здравомыслящей, с мягким характером и, что еще более примечательно, крепкого телосложения. До рождения Кэтрин у нее родилось трое сыновей; и вместо того, чтобы умереть при рождении последнего, как можно было бы ожидать, она пожила еще – пережила рождение еще шестерых детей – чтобы увидеть, как они растут вокруг нее, и чтобы самой наслаждаться прекрасным здоровьем. Семью из десяти детей всегда называют прекрасной, если в ней достаточно голов, рук и ног для такого количества; но у Морландов было мало оснований для этого определения, поскольку они, как правило, не были даже симпатичными, а Кэтрин на протяжении многих лет своей жизни была такой же невзрачной, как и все остальные. У нее была худощавая, нескладная фигура, бледная кожа, темные, густые волосы и резкие черты лица – вот и все, что можно сказать о ее внешности; и, казалось, ее ум был не менее неподходящим для того, чтобы хоть как-то выделиться. Она больше любила мальчишеские игры и предпочитала крикет не только куклам, но и более достойным героини удовольствиям детства: уходу за соней, кормлению канарейки или поливанию розового куста. Так оно и было, она не любила сад; и если и собирала цветы, то в основном ради удовольствия пошалить – по крайней мере, так предполагалось, судя по тому, что она всегда выбирала именно те цветы, которые ей запрещали срывать. Таковы были ее склонности; ее способности были столь же необычайными. Она никогда не могла чему-либо научиться или что-то понять, пока ей не втолковывали это весьма настойчиво; а иногда и после того, потому что часто была невнимательной, а порой и глуповатой. Ее мать три месяца учила ее всего лишь прочитав наизусть «Мольбу нищего»¹; и в конце концов, ее младшая сестра, Салли, могла декламировать ее лучше, чем она. Не то чтобы Кэтрин была глупой, отнюдь нет – басню «Зайчиха и ее друзья»² она выучила так же быстро, как любая другая девушка в Англии. Ее мать хотела, чтобы она училась музыке; сама Кэтрин была уверена, что ей это понравится, ведь она очень любила тыкать пальцем в клавиши старых, обшарпанных клавикордов; поэтому в возрасте восьми лет начала музицировать. Она проучилась год, но более не выдержала; и миссис Морланд, которая не настаивала на том, чтобы ее дочери добивались чего-либо вопреки неспособности или неприязни, позволила ей бросить это занятие. День, когда уволили учителя музыки, был одним из самых счастливых в жизни Кэтрин. Ее способность к рисованию оставляла желать лучшего; однако всякий раз, когда ей удавалось раздобыть у матери обрывок письма или какой-нибудь другой клочок бумаги, она использовала все свое умение, рисуя дома и деревья, а также кур и цыплят неотличимыми друг от друга. Письмо и

¹ «Мольба нищего» («The Beggar's Petition», 1766) – стихотворение английского священника Томаса Мосса (1740–1808).

² «Зайчиха и ее друзья» («The Hare and Many Friends», 1727) – басня английского поэта и драматурга Джона Гей (1685–1732).

счет она освоила благодаря отцу, а французский язык – благодаря матери: ее знание обоих предметов не отличалось высоким уровнем, и она всячески избегала уроков и того, и другого. Что за странная, необъяснимая личность! – ведь при всех этих признаках посредственности в десять лет у нее не было ни злого сердца, ни дурного нрава, она редко проявляла упрямство, почти никогда ни с кем не ссорилась и была очень добра к малышам, предпочитая держаться от них подальше; кроме того, она была шумной и неукротимой, ненавидела заточение и чистоту и больше всего на свете любила кувыркаться на зеленому склоне за домом.

Такова была Кэтрин Морланд в десять лет. В пятнадцать лет ее внешность начала меняться к лучшему: она стала завивать волосы и мечтать о балах; цвет лица улучшился, появился румянец, черты стали более мягкими, в глазах появилась живость, пропала субтильность. Ее неряшливость сменилась тягой к нарядам, и она становилась аккуратней по мере проявления здравомыслия; теперь ей доставляло удовольствие иногда слышать от отца и матери замечания о ее преображении. «Кэтрин выросла очень хорошенькой – сегодня она почти красавица», – эти слова время от времени достигали ее ушей; и как же желанны были эти звуки! Почти красавица – это для девушки, которая первые пятнадцать лет своей жизни выглядела невзрачной, гораздо большее удовольствие, чем то, которое испытывает красавица с самого рождения.

Миссис Морланд была очень доброй женщиной и хотела, чтобы ее дети стали всем тем, кем они должны быть; но она так много времени уделяла взращиванию младших и уходу за ними, что ее старшие дочери неизбежно оставались предоставленными сами себе; и не было ничего удивительного в том, что Кэтрин, которая от природы не обладала задатками героини романа, в четырнадцать лет предпочитала крикет, бейсбол, верховую езду и прогулки по окрестностям книгам – или, по крайней мере, книгам, содержащим хоть крупинцы разумного, – ведь, если из них нельзя было извлечь ничего полезного, если они были сплошными повествованиями, а не рассуждениями, она никогда не возражала против книг вообще. Но с пятнадцати до семнадцати лет она определенно готовилась стать героиней; она прочитала все те произведения, которые героини романов должны прочесть, чтобы пополнить свою память цитатами, столь полезными и утешительными в перипетиях их насыщенной событиями жизни.

От Поупа она научилась осуждать тех, кто

*В притворном горе ускользнуть не прочь....*³

Из Грея узнала,

Как часто лилия цветет уединенно,

*В пустынном воздухе теряя запах свой....*⁴

Прониклась словами Томпсона:

Как славно молодежь

*Воспитывать уроками стрельбы!*⁵

А от Шекспира она почерпнула огромный запас информации, в том числе и то, что

Пустяк, что легче воздуха порой,

В глазах ревнивца станет глыбой камня

По твердости и ясности своей

*Сравнимой только со Святым Писанием.*⁶

Ну и что

Лик Смерти одинаково ужасен

И для букашки мелкой,

³ «Элегия в память несчастной дамы» («Elegy to the Memory of an Unfortunate Lady», 1717) Александра Поупа (1688–1744).

⁴ «Элегия, написанная на сельском кладбище» («Elegy Written in a Country Churchyard», 1750) Томаса Грея (1716–1771).

⁵ «Весна» («Spring», 1728) Джеймса Томсона (1700–1748).

⁶ «Отелло» («Othello», 1603) Уильяма Шекспира (1564–1616).

*И гиганта.*⁷

А молодая влюбленная женщина всегда выглядит

Как статуя Терпения застыв,

*Она своим страданиям улыбалась!*⁸

И если ее прогресс в некоторых областях был всего лишь достаточным, то во многих других она добилась исключительных успехов – ведь, хотя она не могла писать сонеты, она заставляла себя их читать; и хотя, казалось, не было никакой возможности привести в восторг всю компанию исполнением на фортепиано прелюдии собственного сочинения, она могла слушать чужие выступления почти не уставая. Ее самым большим недостатком была живопись – она совершенно не умела рисовать, даже не пыталась набросать профиль своего возлюбленного так, чтобы сама могла узнать его в этом рисунке. Вот тут она безнадежно не дотягивала до высот, достойных истинной героини. В настоящее время она не осознавала своего недостатка, ибо у нее не было возлюбленного, которого она могла бы попытаться изобразить. Она достигла семнадцати лет, не увидев ни одного обаятельного юноши, способного пробудить ее чувства, не вызвав не то, что одной настоящей страсти, но даже восхищения, кроме весьма умеренного и очень мимолетного. Это было действительно странно! Но странные вещи можно объяснить, если не полениться выяснить их причину. В окрестностях не было ни одного лорда; более того, даже баронета. Среди их знакомых не было ни одной семьи, которая бы воспитывала и содержала мальчика, случайно найденного у их дверей, – ни одного молодого человека, происхождение которого было неизвестно. У ее отца не было подобных подопечных, а у местного сквайра – детей.

Но когда молодой девушке на роду написано стать героиней романа, неполноценность сорока окружающих ее семей не могут ей помешать. Что-то обязательно произойдет, и на ее пути обязательно появится герой.

Мистеру Аллену, которому принадлежало наиболее значительное поместье в окрестностях Фуллертона, деревни в Уилтшире, где жили Морланды, было предписано посетить Бат из-за подагры, и его жена, добродушная женщина, любившая мисс Морланд и, вероятно, понимавшая, что если приключения не случаются с молодой леди в ее собственной деревне, она должна искать их за ее пределами, пригласила ее поехать с ними. Мистер и миссис Морланд были образцово покладисты, а Кэтрин была образцово счастлива.

⁷ «Мера за меру» («Measure for Measure», 1604) Уильяма Шекспира (1564-1616).

⁸ «Двенадцатая ночь, или Что вам угодно» («Twelfth Night, or What You Will», 1601) Уильяма Шекспира (1564-1616).

ГЛАВА 2

В дополнение к уже сказанному о личных качествах и умственных способностях Кэтрин Морланд, которой предстояло столкнуться со всеми трудностями и опасностями шестинедельного пребывания в Бате, можно добавить, для лучшего понимания читателем, чтобы последующие страницы не ввели его в заблуждение относительно ее характера, что у нее было доброе сердце; характер же был веселым и открытым, без тщеславия и притворства; в ее манерах не было заметно неловкости и застенчивости; ее внешность была приятной, а когда она была в лучшей форме, то и милой; а ее ум был примерно таким же невежественным и неосведомленным, как обычно бывает у семнадцатилетних девушек.

Когда приблизился час отъезда, материнская тревога миссис Морланд, естественно, достигла своего пика. Тысячи тревожных предчувствий зла, которое может обрушиться на ее любимую Кэтрин из-за этой ужасной разлуки, должны были пронзать ее сердце печалью и заливать слезами последние день-два до их разлуки; и, конечно же, в прощальной беседе в ее кабинете ее мудрые уста должны были высказать самые важные и полезные советы. Предостережения против возможного соблазна со стороны тех дворян и баронетов, которые с удовольствием увозят молодых леди в какой-нибудь отдаленный деревенский дом, должны были в этот момент снять тяжесть с ее сердца. Кто бы мог в это не поверить? Но миссис Морланд так мало знала о лордах и баронетах, что и понятия не имела об их всеобщем коварстве и совершенно не подозревала о той опасности, которую их интриги представляют для ее дочери. Предостережения касались лишь следующего: «Умоляю тебя, Кэтрин, всегда укутывай горло, когда выходишь из дома вечером; и я бы хотела, чтобы ты старалась вести какой-нибудь учет своих расходов; я специально дам тебе для этого маленький блокнот».

Салли, или, правильнее, Сара (ведь какая юная леди из простого дворянства доживет до шестнадцати лет, не изменив свое имя настолько, насколько это возможно?), по стечению обстоятельств, конечно же, должна в это время быть близкой подругой и доверенным лицом своей сестры. Однако примечательно, что она не настаивала на том, чтобы Кэтрин писала ей каждый день, и не добивалась от нее ни обещания сообщать о характере каждого нового знакомого, ни подробностей каждой интересной беседы, которая могла бы состояться в Бате. В общем, все, что касалось этой важной поездки, Морланды делали с определенной умеренностью и спокойствием, что, казалось, больше соответствовало обычным чувствам обыденной жизни, чем утонченной чувствительности, нежным эмоциям, которые всегда должна вызывать первая разлука героини с семьей. Ее отец, вместо того чтобы дать ей неограниченную доверенность для своего банка или даже вручить ей стофунтовый вексель, выдал ей всего десять гиней и обещал ей больше, когда ей это понадобится.

При таких скучных и ничего не обещающих обстоятельствах состоялось расставание и началось путешествие. Оно прошло в должном спокойствии и без происшествий, в полной безопасности. Ни разбойники, ни бури не встали на их пути, и даже простой удачный случай не свел их с героем. Ничего более тревожного, чем опасение миссис Аллен, что она забыла свои деревянные башмаки в гостинице, не имело места и, к счастью, даже это опасение оказалось беспочвенным.

Они прибыли в Бат. Кэтрин была полна радостного восторга — ее взгляд был обращен на все вокруг, пока они приближались к его прекрасным и впечатляющим окрестностям, а затем они ехали по улицам, которые привели их к отелю.

Она приехала, чтобы обрести счастье, и она уже чувствовала себя счастливой.

Поселились они в комфортабельных апартаментах на улице Пултни.

Теперь уместно хотя бы кратко описать миссис Аллен, чтобы читатель мог судить о том, каким образом ее действия должны были бы в дальнейшем способствовать общему ухудше-

нию ситуации и как она, по-видимому, поспособствует тому, чтобы к последнему тому романа положение бедной Кэтрин стало отчаянным, настолько, на сколько это только возможно – то ли из-за своей неосмотрительности, вульгарности или ревности, то ли перехватывая ее письма, пороча ее репутацию или изгнав вон из дома.

Миссис Аллен принадлежала к тому многочисленному классу женщин, по отношению к которым у окружающих не возникло бы иного чувства, кроме удивления, что в мире существуют мужчины, которые могли бы полюбить их настолько, чтобы жениться на них. У нее не было ни красоты, ни умственных способностей, ни таланта, ни манер. Осанка благородной дамы, много спокойного, неторопливого добродушия и легкомысленный склад ума – вот все, что могло объяснить, почему ее выбрал такой разумный и просвещенный мужчина, как мистер Аллен. В одном отношении она была превосходно подготовлена к тому, чтобы представить молодую леди публике, поскольку так же, как и любая молодая леди, она любила путешествовать и все увидеть своими глазами. Ее страстью были наряды. Она получала совершенно простительное удовольствие от того, что выглядела прекрасно; и вступление нашей героини в жизнь могло состояться только после того, как они потратили три-четыре дня на изучение вопроса, что сейчас в моде, и ее компаньонка получила платье, соответствующее самым последним веяниям. Кэтрин тоже сделала кое-какие покупки, и когда все подобные дела были закончены, настал важный вечер – ее должны были ввести в залы Ассамблеи. Волосы ее были подстрижены и уложены лучшими мастерами, платье выбрано самым тщательным образом, и миссис Аллен, и ее служанка заявили, что она выглядит именно так, как и должна. С такой поддержкой Кэтрин надеялась пройти сквозь толпу, по крайней мере, не вызвав нареканий. Что касается восхищения, то оно всегда было очень желанным, если проявлялось, но она на такое и не рассчитывала.

Миссис Аллен так долго переодевалась, что в бальный зал они попали очень поздно. Сезон был в самом разгаре, поэтому зал был битком набит, и две дамы с трудом втиснулись туда. Что касается мистера Аллена, то он направился прямо в комнату, где были приготовлены карточные столы, оставив их наслаждаться обществом в одиночестве. Миссис Аллен, больше заботясь о сохранности своего нового платья, чем о чувствах своей подопечной, пробилась сквозь толпу мужчин у двери так быстро, как позволяла необходимая осторожность; Кэтрин же держалась рядом с ней, схватив старшую подругу за руку, так что ее не смогли оторвать никаким усилием, даже когда кто-то попытался вытолкнуть ее из толпы. Но к своему полнейшему изумлению она обнаружила, что продвижение вглубь зала вовсе не было способом избавиться от толпы; казалось, она только становилась плотней по мере их продвижения, тогда как она предполагала, что, оказавшись вдали от входа, они без труда найдут места и смогут с комфортом наблюдать за танцами. Но это было далеко не так, и хотя благодаря неустанному усердию им удалось добраться даже до самой высокой части зала, представлявшего собой амфитеатр, их положение оставалось тем же: они видели лишь высокие перья некоторых дам, а вовсе не танцевавших. Они продолжали продвигаться вперед – там их ждало что-то лучшее; и, неустанно прилагая усилия и проявляя смекалку, наконец оказались в проходе за самой высокой скамьей. Здесь было немного меньше людей, чем внизу; и поэтому мисс Морланд имела возможность наблюдать всю толпу внизу и все опасности, подстерегающие их во время предстоящего продвижения. Это было восхитительное зрелище, и Кэтрин впервые за этот вечер почувствовала себя на балу: ей очень хотелось потанцевать, но в зале не было ни одного знакомого. Миссис Аллен делала все, что могла в этой ситуации, лишь изредка терпеливо повторяя: «Как бы мне хотелось, чтобы вы смогли потанцевать, дорогая, как бы мне хотелось, чтобы вам нашелся партнер». Некоторое время ее молодая подруга чувствовала себя обязанной ей за эти пожелания; но они повторялись так настоятельно и оказывались столь безрезультатными, что Кэтрин в конце концов устала и больше не хотела чувствовать себя благодарной.

Однако недолго им довелось наслаждаться покоем, который они с таким трудом обрели. Вскоре пришло время чая, и им пришлось, как и остальным, протискиваться к выходу из зала. Кэтрин начала испытывать некоторое разочарование – ей надоело, что ее постоянно толкают люди, лица большинства из которых вовсе не были привлекательными, и со всеми ними она была незнакома, так что не могла смягчить тягость заточения хотя бы перекинувшись словом с кем-либо из своих сокамерниц; а когда наконец добралась до чайной комнаты, она еще сильнее ощутила неловкость от отсутствия компании, к которой можно было бы присоединиться, от отсутствия знакомых, от отсутствия джентльменов, которые могли бы позаботиться о них. Мистер Аллен не был им опорой и защитой; и, тщетно оглядевшись в поисках более подходящего места, они были вынуждены примоститься у стола, за которым уже сидела большая компания, не зная, чем можно заняться и не имея иных собеседников, кроме самих себя.

Как только они сели, миссис Аллен прежде всего поздравила себя с тем, что ей удалось уберечь свое платье от возможного ущерба.

– Было бы слишком неприятно, если бы его порвали, – сказала она, – не правда ли? Такой нежный муслин. Что касается меня, то я не видела вообще ничего, что мне понравилось бы во всем зале, уверяю вас.

– Как это неприятно, – прошептала Кэтрин, – что у меня здесь нет ни одного знакомого!

– Да, дорогая моя, – отвечала миссис Аллен с абсолютным спокойствием, – это действительно очень неприятно.

– Что же нам делать? Джентльмены и дамы за этим столом выглядят так, будто недоумевают, зачем мы сюда пришли – кажется, мы совершенно непрошенные в их компании.

– Да, это так. Это очень неприятно. Жаль, что мы здесь вообще никого не знаем.

– Было бы лучше, если бы нам было к кому обратиться.

– Совершенно верно, дорогая – если бы мы кого-нибудь знали, мы бы сразу же к ним присоединились. Скиннеры отдыхали здесь в прошлом году – жаль, что их нет сейчас.

– А не лучше ли нам просто уйти? Видите ли, к чаю нас, как я вижу, не ждали.

– И правда, для нас даже чашек не найдется. Как это неприятно! Но я думаю, нам все же лучше посидеть здесь спокойно, иначе в такой толпе легко упасть! Как моя прическа, дорогая? Боюсь, кто-то толкнул меня, и она не в порядке.

– Нет, не беспокойтесь, выглядит по-прежнему очень красиво. Но, дорогая миссис Аллен, вы уверены, что среди всего этого множества людей нет ни одного, кого бы вы знали? Мне кажется, найдется хотя бы кто-то, кого вы наверняка знаете.

– Нет, честное слово, как ни жаль, но нет. Как бы хотелось встретить здесь хоть одного знакомого человека, и тогда я бы обеспечил вам кавалера. Я была бы ужасно рада, если бы вы потанцевали. Вон движется необычная женщина! Какое странное платье на ней! Какое старомодное! Посмотрите назад.

Спустя некоторое время один из соседей предложил им чай; они с благодарностью приняли предложение, и это положило начало непринужденной беседе с любезным джентльменом. Это был единственный раз, когда кто-то заговорил с ними за весь вечер, пока их не обнаружил мистер Аллен и не присоединился к ним после окончания танцев.

– Что ж, мисс Морланд, – бесхитростно поинтересовался мистер Аллен, – надеюсь, вы прекрасно провели время на балу.

– Очень приятный вечер, – ответила она, тщетно пытаясь сдержать зевок.

– Мне жаль, что ей не удалось потанцевать, – сказала его жена. – Жаль, что мы не смогли найти ей кавалера. Я все время говорила, как бы я была рада, если бы Скиннеры были здесь этой зимой, а не прошлой; или если бы приехали Парри, как они когда-то собирались, она могла бы потанцевать с Джорджем Парри. Мне очень жаль, что у нее до сих пор нет партнера!

– Надеюсь, в другой вечер у нас получится лучше, – утешал мистер Аллен.

Когда танцы закончились, часть общества стала покидать зал – достаточная, чтобы оставшиеся могли спокойно прогуляться; и теперь настало время, чтобы героиня, которая еще не сыграла сколь-нибудь заметную роль в событиях этого вечера, была замечена и оценена должным образом. Каждая минута в пустеющем зале дарила новые возможности ее очарованию. Теперь ее могли видеть молодые люди, которые раньше не имели возможности приблизиться к ней. Однако ни один из них не вздрогнул от восторженного изумления, увидев ее, по залу не прокатился шепот нетерпеливых вопросов, и никто ни разу не назвал ее божеством. Тем не менее, Кэтрин была очень красива, и если бы компания знала бы ее всего три года назад, они бы сейчас сочли ее необычайно привлекательной.

Тем не менее на нее было брошено несколько восхищенных взглядов; ей удалось услышать, как двое джентльменов называли ее очень красивой девушкой. Эти слова возымели должное воздействие; она сразу же стала считать вечер приятнее, чем прежде – ее скромное тщеславие было удовлетворено – она чувствовала себя более обязанной этим двум молодым людям за простую похвалу, чем настоящая героиня была бы обязана пятнадцати сонетам, воспевающим ее прелести, и с хорошим настроением вернулась на свое место, совершенно довольная доставшейся ей долей внимания публики.

ГЛАВА 3

Каждое утро теперь их ждали неотложные дела: нужно было посетить магазины, осмотреть какой-нибудь новый район города и побывать в галерее с источниками, где они целый час прохаживались взад-вперед, разглядывая всех и ни с кем не разговаривая. Желание встретить многочисленных знакомых в Бате по-прежнему было для миссис Аллен первостепенным, и она повторяла его во всеуслышание после каждой утренней неудачи, убедившись, что никого там совсем не знает.

Они провели вечер в Нижних Залах; и здесь удача была более благосклонна к нашей героине. Церемониймейстер представил ей в качестве партнера очень галантного молодого человека; его звали Тилни. На вид ему было около двадцати четырех или двадцати пяти лет, был он довольно высоким, с приятным лицом, очень умным и живым взглядом, и, если и не совершенно красивым, то очень близким к этому. Его манера говорить была приятной, и Кэтрин почувствовала себя очень счастливой. Во время танца времени для беседы было мало, но когда они сели за чай, она нашла его таким же приятным, каким уже и считала. Речь его лилась гладко и живо – и в его манерах проявлялась какая-то игривость и любезность, которые заинтереговали ее, хотя она едва ли понимала, что конкретно. После непродолжительной беседы на темы, возникающие благодаря тому, что их окружало, он вдруг обратился к ней со словами:

– До сих пор я был очень небрежен в должном внимании к вам, мадам, моей партнерше – я даже не спросил вас, как долго вы находитесь в Бате; бывали ли вы здесь раньше; были ли вы в Верхних залах, в театре и на концерте; и как вам вообще нравится это место. Я был очень небрежен, но не были бы столь любезны сейчас уделить мне достаточно времени, чтобы уточнить эти детали? Если да, я сразу и приступлю.

– Вам не стоит так беспокоиться, сэр.

– Никакого беспокойства, уверяю вас, мадам.

Затем, изобразив на лице натянутую улыбку и притворно смягчив голос, он добавил, сдерживая веселье:

– Давно ли вы в Бате, мадам?

– Около недели, сэр, – ответила Кэтрин, стараясь не рассмеяться.

– Неужели! – с притворным удивлением продолжил джентльмен.

– Почему вас это удивляет, сэр?

– И в самом деле! – сказал он уже в своей обычной манере. – Но ваш ответ, должно быть, вызвал у вас некое чувство, и удивление здесь более вероятно и не менее разумно, чем любая иная реакция. Давайте продолжим. Вы здесь раньше не бывали, мадам?

– Никогда, сэр.

– Вот как! Вы уже побывали в Верхних Залах?

– Да, сэр, я была там в прошлый понедельник.

– А в театре?

– Да, сэр, я была на спектакле во вторник.

– На концерте?

– Да, сэр, в среду.

– И в целом Бат вам нравится?

– Да, очень.

– Теперь мне остается лишь слегка усмехнуться, и тогда мы снова сможем мыслить серьезно.

Кэтрин отвернулась, не будучи уверена, что не рассмеется.

– Догадываюсь, что вы обо мне думаете, – угрюмо сказал он, – завтра я буду лишь жалким персонажем в вашем дневнике.

– Моем дневнике?

– Да, я прекрасно представляю, как вы это опишите: в пятницу я пошла в Нижние Залы; надела свою расшитую муслиновую мантию с синей отделкой и простые черные туфли – выглядела очень выигрышно; но меня навязчивым образом донимал какой-то странный, глуповатый мужчина, который хотел заставить меня танцевать с ним и досаждал своими глупостями.

– В действительности я ничего подобного писать не буду.

– Может, мне подсказать вам, что вам следует написать?

– Сделайте одолжение.

– Я танцевала с весьма приятным молодым человеком, которого мне представил мистер Кинг; мы о многом говорили – он показался мне необыкновенно умным – надеюсь, я смогу узнать его ближе. Вот что я хочу, чтобы вы написали, мадам.

– Но, возможно, я не веду дневника.

– Возможно, вас нет в этой комнате, и меня нет рядом. В этих вопросах также возможны сомнения. Не вести дневник! Откуда ваши отсутствующие кузины смогут понять, как протекает ваша жизнь в Бате, если не из него? Как можно рассказывать о любезностях и комплиментах каждого дня так, как то положено, если не записывать их каждый вечер в дневник? Как можно запомнить, когда и в какое из ваших многочисленных платьев вы были одеты, описать цвет вашего лица и ваши прически во всем их многообразии, не прибегая постоянно к дневнику? Моя дорогая мадам, я не так уж невежественен в отношении нравов молодых леди, как вам хотелось бы верить; именно эта восхитительная привычка вести дневник во многом способствует формированию легкого стиля письма, которым так славятся дамы. Все признают, что талант писать приятные письма присущ исключительно женщинам. Возможно, природа тут приложила руку, но я уверен, что этому в значительной степени способствовала практика ведения дневника.

– Иногда я сомневалась, – возразила Кэтрин, – пишут ли дамы письма намного лучше, чем джентльмены! То есть, я бы не стала утверждать, что превосходство всегда было на нашей стороне.

– Насколько мне удалось заметить, распространенный стиль написания писем у женщин безупречен, за исключением трех моментов.

– И каковы же они?

– Присущее всем отсутствие главной темы, полное невнимание к длине предложений и частое пренебрежение правилами грамматики.

– Право, мне не стоило опасаться услышать комплимент. Вы не слишком высокого мнения о нас в этом плане.

– Я бы не стал утверждать как общее правило, что женщины пишут письма лучше, чем мужчины, так же как и то, что они поют дуэты мелодичнее или рисуют пейзажи искуснее. В любой области, в основе которой лежит вкус, совершенство довольно справедливо распределено между полами.

Тут в их разговор вмешалась миссис Аллен:

– Дорогая Кэтрин, – сказала она, – пожалуйста, вытащите эту булавку из моего рукава; боюсь, он все-таки порвался; мне будет очень жаль, если это так, это мое любимое платье, хотя материал стоил всего девять шиллингов за ярд.

– Так мне и следовало подумать, мадам, – сказал мистер Тилни, обратив внимание на муслин.

– Вы разбираетесь, в муслине, сэр?

– Именно так; я всегда покупаю галстуки сам и имею право претендовать на титул эксперта; и моя сестра часто доверяла мне выбор своего платья. Да вот на днях я купил ей одно, и все дамы, которые его видели, назвали это невероятно удачной покупкой. Материал стоил мне всего пять шиллингов за ярд, и это был настоящий индийский муслин.

Миссис Аллен была совершенно поражена его исключительностью.

– Мужчины обычно так мало обращают внимания на эти вещи, – сказала она. – Я никогда не могу заставить мистера Аллена отличать одно платье от другого. Вы, должно быть, большое утешение для своей сестры, сэр.

– Надеюсь, это так, мадам.

– В таком случае, сэр, что вы думаете о платье мисс Морланд?

– Оно очень красивое, мадам, – сказал он, внимательно рассматривая его, – но я думаю, оно плохо перенесет стирку; боюсь, оно начнет обтрепываться.

– Как вы можете быть таким... – сказала Кэтрин, смеясь. Она чуть было не произнесла «нелюбезным».

– Я полностью разделяю ваше мнение, сэр, – ответила миссис Аллен, – и я сказала об этом же мисс Морланд, когда она его купила.

– Но знаете ли, мадам, муслин никогда не пропадет; мисс Морланд найдет достаточно материала для платка, или чепца, или даже плаща. Муслин никогда не считается запасным впусом. Я слышал, как моя сестра говорила об этом раз сорок, когда не задумываясь покупала больше, чем хотела, или небрежно разрезала его на куски.

– Бат – очаровательное место, сэр; здесь так много хороших магазинов. К сожалению, мы обитаем в деревне; в Солсбери много привлекательных магазинов, но ехать уж очень далеко – восемь миль – это много; мистер Аллен утверждает, что девять, по его измерениям; но я уверена, что не больше восьми; и это так утомительно – я возвращаюсь смертельно уставшей. А здесь можно выйти на улицу и купить все необходимое за пять минут.

Мистер Тилни был достаточно любезен, чтобы проявить интерес к ее речам; и она продолжала обсуждать с ним тему муслинов, пока танцы не возобновились. Кэтрин, слушая их разговор, опасалась, что он слишком увлекся причудами других.

– О чем вы так серьезно думаете? – спросил он, когда они шли обратно в зал для танцев. – Надеюсь, не о вашем кавалере, потому что, судя по вашему покачиванию головой, ваши размышления неодобрительны.

Кэтрин покраснела и ответила:

– Я вообще ни о чем не думала.

– Это, безусловно, уклончиво и многозначительно, но я бы предпочел услышать сразу, что вы мне просто не хотите ничего рассказывать.

– Ну тогда я этого делать не буду.

– Спасибо; теперь мы быстро узнаем друг друга, поскольку я имею право подшучивать над вами на эту тему при каждой нашей встрече, а ничто в мире не способствует сближению лучше, чем это.

Они снова танцевали; и, когда вечер подошел к концу, расстались, с сильным желанием, по крайней мере, со стороны дамы, продолжить знакомство. Думала ли она о нем, попивая подогретое вино, разбавленное водой, и готовясь ко сну; о чем ей мечталось, когда она уже была в постели, установить невозможно; но я надеюсь, что это был не более чем легкий сон или, в лучшем случае, утренняя дрема; ибо если верно, как утверждал один известный писатель, что ни одной молодой леди не может быть ни малейшего оправдания, если она влюбится до того, как джентльмен признается ей в любви, то должно быть очень неприлично, чтобы молодая леди видела во сне джентльмена до того, как станет известно, что джентльмен видел во сне ее. Возможно, мистеру Аллену еще не приходило в голову, насколько подходящим был мистер Тилни в качестве вздыхателя или возлюбленного, но он был уверен, что тот вполне подходит в качестве обычного знакомого для его юной подопечной; ведь он еще в начале вечера постарался узнать, кто ее партнер, и был удовлетворен тем, что мистер Тилни оказался священником и принадлежал к весьма уважаемой семье из Глостершира.

ГЛАВА 4

На следующий день Кэтрин в нетерпении поспешила в галерею, уверенная, что увидит мистера Тилни до полудня, и готовая встретить его улыбкой; но никакой улыбки, однако, не потребовалось – мистер Тилни не появился. В тот день любого из посетителей этого места можно было увидеть в то или иное популярное в Бате время променадов, кроме него самого; толпы людей постоянно входили и выходили, поднимались и спускались по ступеням; люди, до которых никому не было дела и которых никто не хотел увидеть – отсутствовал только он.

– Какое восхитительное место Бат, – поделилась миссис Аллен, когда они сели возле больших часов, после того как обошли весь зал и устали, – и как было бы приятно, если бы у нас здесь были знакомые.

Это высказывание так часто звучало впустую, что у миссис Аллен не было особых оснований надеяться, будто сейчас оно принесет больше пользы; но нам говорят: «не сдавайтесь, если вы действительно чего-то хотите», потому что «если вы будете настойчивы, то добьетесь желаемого»; и неустанное усердие, с которым она каждый день желала одного и того же, наконец-то получило свою заслуженную награду, ибо едва она села, как дама примерно ее возраста, оказавшаяся рядом с ней и внимательно наблюдавшая за ней несколько минут, обратилась к ней с большой любезностью: «Думаю, мадам, я не ошибаюсь; прошло много времени с тех пор, как я имела удовольствие видеть вас, но разве ваше имя не Аллен?». На этот вопрос был дан положительный ответ, и незнакомка сразу же назвала свое имя, Торп; и миссис Аллен сразу узнала черты бывшей одноклассницы и близкой подруги, которую она видела лишь однажды после замужества, да и то много лет назад. Их радость от этой встречи была велика, и это неудивительно, ведь последние пятнадцать лет они были вполне довольны тем, что ничего не знали друг о друге. После обмена комплиментами по поводу внешности, они заметили, как быстро пролетело время с тех пор, как они виделись в последний раз, как мало думали о встрече в Бате и как приятно было увидеть старую подругу, и приступили к расспросам и обмену сведениями о своих семьях, сестрах и кузенах, в разговоре гораздо охотнее изливая, нежели воспринимая информацию, и почти не слушая друг друга.

Однако у миссис Торп было одно большое преимущество перед миссис Аллен как у рассказчицы из семьи, в которой были дети; и когда она подробно рассказывала о талантах своих сыновей и красоте дочерей, когда она описывала их различное положение и взгляды – Джон учится в Оксфорде, Эдвард работает в Merchant Taylors, а Уильям служит во флоте – и что все они более любимы и уважаемы в своем положении, чем любые другие на их месте, миссис Аллен не могла поделиться подобной информацией, не могла описать подобных триумфов не желающей слушать и не верящей ни единому слову подруге, и была вынуждена сидеть и делать вид, что слушает все эти материнские излияния, утешаясь, однако, открытием, которое вскоре сделал ее острый глаз, что кружево на пелиссе миссис Торп было и наполовину не таким красивым, как на ее собственном.

– А вот и мои дорогие девочки, – воскликнула миссис Торп, указывая на трех элегантных девушек, которые, взявшись за руки, направлялись к ней. – Дорогая миссис Аллен, я очень хочу представить их вам; они будут так рады вас видеть: самая высокая – Изабелла, моя старшая дочь; разве она не прекрасна? Остальные тоже очень милы, но, я думаю, Изабелла самая красивая.

Все мисс Торп были представлены; то же было сделано относительно мисс Морланд, о которой на короткое время забыли. Имя, казалось, поразило всех; и, после того как старшая молодая леди с большой учтивостью поговорила с ней, она вслух заметила остальным:

– Как же мисс Морланд похожа на своего брата!

– Вот так так! – воскликнула мать, и все повторили за ней два или три раза: – Любой узнал бы в ней его сестру!

Кэтрин на мгновение удивилась; но едва миссис Торп и ее дочери начали рассказывать историю своего знакомства с мистером Джеймсом Морландом, как она вспомнила, что ее старший брат недавно подружился с молодым человеком из своего колледжа по фамилии Торп; и что последнюю неделю рождественских каникул он провел в его семье недалеко от Лондона.

После того, как все объяснилось, мисс Торп высказала много любезностей и выразила желание познакомиться с ней поближе, что они уже могут считаться подругами благодаря дружбе своих братьев и т.д., что Кэтрин с удовольствием выслушала и ответила всеми возможными витиеватыми выражениями; и, в качестве первого доказательства дружбы, вскоре ее пригласили взять под руку старшую мисс Торп и пройти с ней по залу. Кэтрин была в восторге от такого расширения круга своих знакомств в Бате и почти забыла о мистере Тилни, разговаривая с мисс Торп. Дружба, безусловно, является лучшим бальзамом от мук разочарованной любви. Беседа их вращалась вокруг тех тем, которые непринужденный разговор, как правило, затрагивает в процессе сближения двух молодых леди: платья, балы, флирт и другие не менее важные вещи. Однако мисс Торп, будучи на четыре года старше мисс Морланд и, по меньшей мере, на четыре года более опытной, имела явное преимущество в обсуждении подобных вопросов; она могла сравнить балы в Бате с балами в Танбридже, здешнюю моду с модой в Лондоне; могла корректировать мнение своей новой подруги о многих предметах изысканной одежды; могла распознать флирт между любым джентльменом и леди, которые всего лишь улыбались друг другу; и разгадать истинный смысл, скрывающийся за циркулирующими суждениями толпы. Эти качества вызвали должное восхищение у Кэтрин, для которой они были совершенно новыми; и уважение, которое они, естественно, вызывали, могло бы быть слишком велико для лишь наметившейся близости, если бы не непринужденная веселость мисс Торп и ее частые выражения восторга от этого знакомства, которые смягчили всякое чувство благоговения и оставили лишь нежную предрасположенность. Их растущая привязанность не ограничивалась полудюжиной проходов по галерее, а требовала, чтобы, когда они все вместе покидали ее, мисс Торп сопровождала мисс Морланд до самой двери дома мистера Аллена; и чтобы там они расстались самым ласковым и долгим рукопожатием, узнав, к их взаимному облегчению, что они увидятся в театре вечером и помолятся в одной часовне на следующее утро. Затем Кэтрин сразу же побежала наверх и наблюдала из окна гостиной за тем, как мисс Торп идет по улице; восхищалась изящной походкой, модными силуэтом и платьем; и испытывала, вполне заслуженно, благодарность за возможность обрести такую подругу.

Миссис Торп была вдовой, причем не очень богатой; она была добродушной, благонамеренной женщиной и очень снисходительной матерью. Ее старшая дочь обладала необыкновенной красотой, а младшие, не сомневаясь, что они такие же красивые, как их сестра, подражали ее манерам и одевались в том же стиле, в чем добились больших успехов.

Этот краткий рассказ о семье призван заменить необходимость подробного описания прошлых злоключений и страданий самой миссис Торп, которое в противном случае заняло бы три или четыре последующие главы; в которых можно было бы изложить ничемность лордов и поверенных, а также воспроизвести в подробностях беседы, состоявшиеся двадцать лет назад.

ГЛАВА 5

Вечером того же дня в театре Кэтрин была занята не столько ответами на кивки и улыбки мисс Торп, хотя это, безусловно, отнимало у нее много свободного времени, сколько тем, чтобы удержаться от поисков мистера Тилни в каждой ложе, до которой мог дотянуться ее взор; но искала она его напрасно. Мистера Тилни театр привлекал не более, чем галерея минеральных источников. Она надеялась, что на следующий день ей повезет больше; и когда ее пожелания хорошей погоды исполнились, и она увидела, что утро прекрасно, она почти не сомневалась в этом; ведь в такое ясное воскресенье в Бате все дома пустеют, и весь свет собирается в подобные дни, чтобы прогуляться и поделиться со своими знакомыми восторгами по поводу того, какой это великолепный день.

Как только богослужение закончилось, Торпы и Аллены с радостью присоединились друг к другу; и, пробыв достаточно долго в галерее, чтобы убедиться, что толпа невыносима и что здесь не увидишь ни одного благородного лица, что, впрочем, каждый обнаруживает во всякое воскресенье в течение всего сезона, они поспешили в Кресент, чтобы подышать свежим воздухом в более приятной обстановке. Здесь Кэтрин и Изабелла, взявшись за руки, снова вкусили сладость дружбы в непринужденной беседе; они много и с большим удовольствием разговаривали; но Кэтрин снова была разочарована в своей надежде опять встретить своего партнера по танцам. Его нигде не было видно; все поиски его были одинаково безуспешны: в утренних залах или на вечерних собраниях; ни в Верхнем, ни в Нижнем залах, ни на балах для публики изысканной, ни в собраниях попроще; не было его ни среди гуляющей публики, ни среди гарцующих верхом, ни среди двигавшихся в экипажах. Его имени не было в книге посетителей галереи, и любопытство ничего более предложить не могло. Должно быть, его уже нет в Бате. И все же он не упоминал, что его пребывание будет столь коротким! Эта таинственность, всегда столь подobaющая герою, еще более способствовала в воображении Кэтрин привлекательности его личности и манер, и разожгла ее желание разузнать о нем побольше. От Торпов она ничего не смогла узнать, поскольку они пробыли в Бате всего два дня, прежде чем встретились с миссис Аллен. Однако это была тема, которую она часто затрагивала в разговорах со своей прекрасной подругой, от которой, в свою очередь, получала всяческое поощрение продолжать думать о нем; и поэтому впечатление от него на ее воображение не ослабевало. Изабелла была совершенно уверена, что он, должно быть, очаровательный молодой человек, и была также уверена, что он, должно быть, был в восторге от ее дорогой Кэтрин и поэтому скоро вернется. Ей он нравился больше от того, что был священником, – ибо она должна признаться, что очень симпатизирует такому занятию; и что-то вроде вздоха вырвалось у нее, когда она это сказала. Возможно, Кэтрин ошибалась, не спросив о причине такого нежного чувства, – но ей не хватало опыта в тонкостях любви или обязательствах дружбы, чтобы знать, когда уместна деликатная насмешка, а когда следует полагаться на доверие.

Миссис Аллен теперь была совершенно счастлива – ее вполне устраивал Бат. Она нашла знакомых, и ей повезло встретить среди них семью очень достойной старой подруги; и, как вершина удачи, эти друзья были одеты далеко не так дорого, как она сама. Ее ежедневными выражениями больше не были: «Как жаль, что у нас нет знакомых в Бате!», они сменились на: «Как я рада, что мы встретились с миссис Торп!», и она с таким же рвением способствовала общению двух семей, как и ее юная подопечная и сама Изабелла; она не была удовлетворена прошедшим днем, если не проводила большую его часть рядом с миссис Торп в том, что они полагали беседой, но в которой почти никогда не было обмена мнениями и редко обнаруживалась хоть какая-то интересующая обеих тема, потому что миссис Торп говорила в основном о своих детях, а миссис Аллен – о своих платьях.

Дружба между Кэтрин и Изабеллой развивалась быстро, как и началась, и они так стремительно переходили от одной градации нежности к другой, что вскоре у них не оставалось новых доказательств этой дружбы ни перед друзьями, ни перед самими собой. Они называли друг друга по имени, всегда шли рука об руку, подкалывали друг друга шлейфы на танцах и не расставались будучи в компании; и даже если дождливое утро лишало их других удовольствий, они оставались непреклонны в своем стремлении встретиться, несмотря на сырость и грязь, и уединялись, чтобы вместе читать романы.

Да-да, романы; ибо я не приму неблагородный и неразумный обычай, столь распространенный среди романистов, унижать своими презрительными осуждениями такие произведения, часть которых они сами же и создают, присоединяясь к своим злейшим врагам в присвоении самых резких эпитетов таким творениям и почти никогда не позволяя их читать своей героине, которая, если случайно возьмет в руки роман, непременно с отвращением отвергнет его безвкусно написанные страницы. Увы! Если героиня одного романа не пользуется покровительством героини другого, то от кого она может ожидать защиты и уважения? Я не могу это одобрить. Оставим критикам право по своему усмотрению изливать подобные фантазии и, комментируя каждый новый роман, произносить избитые фразы о том мусоре, который сейчас обсуждает пресса. Давайте не будем лишать друг друга уважения; мы – раненные существа. Хотя наши произведения доставили больше беспредельного и искреннего удовольствия, чем произведения любой другой литературной корпорации в мире, ни один вид творчества не подвергался столь беспощадной критике. Наши враги, ведомые гордостью, невежеством или модой, почти так же многочисленны, как и наши читатели. И хотя способности девятисотого сочинителя сокращенной версии «Истории Англии» или человека, который собирает и публикует в одном томе около дюжины строк из Мильтона, Поупа и Прайора, добавляя статью из «Очевидца» и главу из Стерна, восхваляются тысячами перьев, кажется, существует почти всеобщее желание принизить способности и недооценить труд романиста, а также принизить те произведения, которые могут похвастаться лишь оригинальностью, остроумием и вкусом. «Я не любительница романов – я редко заглядываю в романы – не думайте, что я часто читаю романы – это действительно очень неплохо для романа». Такова распространенная риторика. «А что вы читаете, мисс...?» – «О! Это всего лишь роман!» – отвечает молодая леди, откладывая книгу с притворным безразличием или мимолетным стыдом. «Это всего лишь «Цесилия», или «Камилла», или «Белинда»⁹; или, короче говоря, всего лишь какое-то произведение, в котором проявляются величайшие умственные способности, в котором видно наиболее глубокое знание человеческой природы, наиболее удачное описание ее многообразия, самые живые излияния остроумия и юмора передаются миру самым изысканным языком. Теперь, если бы эта молодая леди держала в руках выпуск журнала «Очевидец» вместо подобного романа, как бы гордо она продемонстрировала книгу и произнесла ее название; хотя шансы на то, что она заинтересуется какой-либо частью этого объемного издания, содержание и манера которого не вызовут отвращения у молодого человека со вкусом, невелики: суть его статей так часто состоит в изложении невероятных обстоятельств, неестественных персонажей и тем для обсуждений, которые больше никого из ныне живущих не интересуют; а язык их зачастую настолько груб, что не дает никакого благоприятного представления о том времени, которое можно было бы стойко перенести.

⁹ «Цесилия, или Воспоминания наследницы» («Cecilia: Or, Memoirs of an Heiress», 1782) и «Камилла, или Воплощенная юность» («Camilla: Or, A Picture of Youth», 1796) – романы Фрэнсис Бёрни. «Белинда» («Belinda», 1801) – роман Марии Эджуорт (1767–1849).

ГЛАВА 6

Приведенный ниже разговор, состоявшийся между двумя подругами в галерее однажды утром на восьмой или девятый день знакомства, послужит примером их очень теплой привязанности, а также деликатности, осмотрительности, оригинальности мысли и литературного вкуса, которые подчеркивают естественность вышеупомянутой привязанности. Они встретились, условившись заранее; и поскольку Изабелла приехала почти на пять минут раньше своей подруги, первым делом, естественно, она сказала:

– Мое милое дитя, что могло заставить вас так опоздать? Я ждала целую вечность!

– Да, пожалуй! Мне очень жаль, но я действительно думала, что я успеваю вовремя. Это всего лишь случайность. Надеюсь, вы здесь недавно?

– О! По крайней мере, последние десять веков. Я уверена, что нахожусь здесь уже полчаса. А теперь давайте сядем в другом конце комнаты и с пользой и удовольствием проведем время. У меня есть сотня вещей, которые я хочу вам сказать. Во-первых, я так боялась, что сегодня утром дождь пойдет как раз когда я собиралась отправиться в путь; казалось, будет очень сильный ливень, и это стало бы мукой для меня! Знаете, я только что видела в витрине магазина на Милсом-стрит самую красивую шляпку, какую только можно себе представить – очень похожую на вашу, только с алыми лентами вместо зеленых; мне очень захотелось такую же. Но, моя дорогая Кэтрин, чем вы занимались все это утро? Читали ли вы «Удольфские тайны»¹⁰?

– Да, я читаю роман с самого пробуждения; и я добралась до черной завесы.

– Неужели? Какая прелесть! О! Я бы не стала рассказывать вам, что черная вуаль скрывает от всего мира! Разве вас не снедает любопытство?

– Да, конечно! Что же это может быть? Но не говорите мне – я ни за что не позволю себе услышать. Я знаю, что это должен быть скелет, я уверена, что это скелет Лаурентины. Ах! Я в восторге от книги! Я бы хотела всю жизнь посвятить ее чтению. Уверяю вас, если бы не встреча с вами, я бы ни за что на свете не оторвалась от нее.

– Милое мое дитя! Как же я вам благодарна; когда вы закончите читать «Удольфо», мы вместе прочитаем «Итальянца»¹¹; и я составила для вас список из десяти или двенадцати подобных произведений.

– Да, конечно! Я ужасно рада! Что же это будет?

– Я прямо сейчас скажу вам их названия; вот они, в моей записной книжке. «Замок Вольфенбах», «Клермон», «Таинственные предупреждения», «Некромант из Шварцвальда», «Полуночный колокол», «Рейнский сирота» и «Жуткие тайны»¹². Нам этого хватит надолго.

– Да, замечательно; но все ли они загадочно ужасны, вы уверены, что все они заставляют замирать сердце?

¹⁰ «Удольфские тайны» («The Mysteries of Udolpho», 1794) – готический роман Энн Рэдклифф (1764–1823).

¹¹ «Итальянец, или Тайна одной исповеди» («The Italian, or the Confessional of the Black Penitents», 1797) – готический роман Энн Рэдклифф.

¹² «Замок Вулфенбах» («Castle of Wolfenbach», 1793) – готический роман Элайзы Парсонз (1748–1811). «Клермонт: повесть» («Clermont: a Tale», 1798) – произведение Реджайны Марии Рош (1764–1845). «Таинственные предостережения: германская повесть» («The Mysterious Warning, a German Tale», 1796) – готический роман Элайзы Парсонз. «Некромант, или Повесть Черного Леса» («The Necromancer; or, The Tale of the Black Forest, Founded on Facts, 1794) – роман Карла Фридриха Калерта. «Полуночный колокол. Германская история, основанная на событиях из реальной жизни» («The Midnight Bell. A German Story, Founded On Incidents in Real Life», 1798) – готический роман Фрэнсиса Лэтома (1774–1832). «Рейнский сирота. Роман» («The Orphan of the Rhine. A Romance», 1798) – роман Элинора Слит. «Жуткие тайны. Повесть переведенная с немецкого маркизом Гроссом» («The Horrid Mysteries. A Story From the German Of The Marquis Of Grosse», 1796) – роман Карла Гросса.

– Да, будьте уверены; моя подруга, мисс Эндрюс, милая девушка, одно из самых очаровательных созданий на свете, прочитала все эти книги. Жаль, что вы не знакомы с мисс Эндрюс, вы были бы от нее в восторге. Она покрывает себя самым прекрасным плащом, какой только можно себе представить. Я нахожу ее прекрасной, как ангел, и меня так раздражает, что мужчины не восхищаются ею! Я их всех за это ужасно ругаю.

– Отругайте их! Вы же выговариваете им за то, что они не восхищаются ею?

– Да, это так. Нет ничего, чего бы я не сделала для моих настоящих друзей. Я не склонна любить людей наполовину; это не в моей природе. Мои привязанности всегда чрезмерны. На одном из наших вечеров этой зимой я сказала капитану Ханту, что если он будет дразнить меня весь вечер, я не буду с ним танцевать, ну разве что если он признает, что мисс Эндрюс столь же красива, как ангел. Мужчины считают нас неспособными к настоящей дружбе, понимаете ли, и я полна решимости показать им, в чем настоящее различие. Теперь, если бы я услышала, как кто-то говорит о вас пренебрежительно, я бы не стала скрывать своего возмущения: но это совершенно маловероятно, потому что вы как раз из тех девушек, которые пользуются большой популярностью у мужчин.

– О боже! – воскликнула Кэтрин, зардевшись. – Как вы можете так говорить?

– Я вас очень хорошо узнала; вы полны жизни, а это именно то, что нужно мисс Эндрюс, потому что, должна признаться, в ней есть что-то удивительно безвкусное. О! Должна вам сказать, что сразу после нашего расставания вчера я встретила молодого человека, который ранее смотрел на вас с таким искренним интересом – я уверена, он влюблен в вас.

Кэтрин покраснела и снова возразила. Изабелла рассмеялась.

– Это чистая правда, клянусь, но я понимаю, как это бывает; вы равнодушны ко всеобщему восхищению, кроме восхищения одного джентльмена, имя которого я не буду называть. Нет, я не могу вас винить, – говоря серьезнее, – ваши чувства легко понять. Когда сердце действительно привязано к кому-то, я прекрасно знаю, как мало может радовать внимание других. Все, что не имеет отношения к объекту любви, кажется таким незначительным, таким неинтересным! Я прекрасно понимаю ваши чувства.

– Но вам не следует убеждать меня в том, что я так много думаю о мистере Тилни, ведь, возможно, я больше никогда его не увижу.

– Больше его не увидите! Мое дорогое дитя, не говорите так. Уверена, вам будет очень грустно, если вы станете так думать!

– Нет, конечно, не следовало бы. Я не утверждаю, что он мне совсем не нравился; но пока мне предстоит читать «Удольфо», я чувствую, что никто не сможет меня расстроить. О! Эта ужасная черная вуаль! Дорогая Изабелла, я уверена, что за ней скрывается скелет Лаурентины.

– Мне кажется очень странным, что вы никогда раньше не читали «Удольфо»; но, полагаю, миссис Морланд не одобряет романы.

– Нет, это не так. Она очень часто сама читает «Сэра Чарльза Грандисона»¹³; но новые книги нам не попадают сами собой.

– «Сэр Чарльз Грандисон»! Это же ужасная книга, не правда ли? Помню, мисс Эндрюс не смогла осилить даже первый том.

– Это совсем не похоже на «Удольфо», но, тем не менее, я считаю, что это очень занимательно.

– Да уж! Вы меня удивляете; я думала, что это нечитаемо. Но, моя дорогая Кэтрин, вы уже решили, какую шляпку вы наденете сегодня вечером? Во всяком случае, я полна решимости одеться точно так же, как вы. Мужчины иногда это замечают, знаете ли.

– Но это не означает, что они показывают это, – возразила Кэтрин совершенно невинно.

¹³ «История сэра Чарльза Грандисона» («The History of Sir Charles Grandison», 1753) – роман Сэмюэла Ричардсона.

– Показывают! О, небеса! Я взяла за правило никогда не обращать внимания на то, что они говорят. Они очень часто бывают невероятно дерзкими, если не относиться к ним с уважением и не держать их на расстоянии.

– Правда? Я никогда этого не замечала. Они всегда очень хорошо ко мне относятся.

– Ах! Они так заносчивы. Самые самодовольные создания на свете, и считают себя такими важными! Кстати, хотя я думала об этом сотню раз, я всегда забывала спросить вас, какой цвет кожи вам больше нравится у мужчин. Вам больше нравятся смуглые или белокожие?

– Не могу сказать с уверенностью. Я никогда особо об этом не задумывалась. Думаю, что-то среднее между ними. Скорее смуглый – не светлый, и ... не очень темный.

– Очень хорошо, Кэтрин. Это именно он. Я не забыла ваше описание мистера Тилни – «смуглая кожа, темные глаза и довольно темные волосы». Что ж, у меня другой вкус. Я предпочитаю светлые глаза, а что касается цвета лица, знаете ли – мне больше всего нравятся мужчины с благородной бледностью. Вы не должны меня выдавать, если когда-нибудь встретите кого-нибудь из своих знакомых, соответствующего этому описанию.

– Выдавать! Что вы имеете в виду?

– Нет, не расстраивайте меня. Думаю, я уже сказала слишком много. Давайте оставим эту тему.

Кэтрин, несколько удивленная, подчинилась, и после недолгого молчания уже собиралась вернуться к тому, что в тот момент интересовало ее больше всего на свете – скелету Лаурентины, когда подруга остановила ее, сказав:

– Ради бога! Давайте уйдем из этого конца комнаты. Знаете ли, два неприятных молодых человека пьются на меня уже полчаса. Они меня совершенно выводят из себя. Давайте пойдем посмотрим на вновь прибывших. Они вряд ли последуют за нами.

Они направились к книге записи посетителей; и пока Изабелла изучала имена, Кэтрин было поручено наблюдать за действиями этих вызывающих опасения молодых людей.

– Они ведь не идут в нашу сторону, правда? Надеюсь, они не настолько бесцеремонны, чтобы следовать за нами. Пожалуйста, дайте мне знать, если они пойдут. Я твердо решила не поднимать глаз.

Кэтрин почти сразу же с неподдельной радостью заверила ее, что ей больше не о чем беспокоиться, поскольку джентльмены только что вышли из галереи.

– А куда они пропали? – тут же задала вопрос Изабелла. – Один из них был очень симпатичным молодым человеком.

– Они направились к церковному подворью.

– Ну, я невероятно рада, что от них избавилась! А теперь, что скажете, если мы заглянем к Эдгару и посмотрим на мою новую шляпку? Вы же сказали, что хотели бы ее увидеть.

Кэтрин с готовностью согласилась.

– Только, – предостерегла она, – возможно, нам придется обогнать этих двух молодых людей.

– Это совершенно неважно! Если поторопимся, то быстро пройдем мимо них, а мне не терпится показать вам свою шляпку.

– Но если мы подождем всего несколько минут, то никакой опасности увидеть их не будет.

– Уверяю вас, я не буду им оказывать подобных одолжений. У меня нет и мысли о том, чтобы относиться к мужчинам с таким уважением. Это верный способ испортить их.

Кэтрин нечего было возразить против таких доводов; и поэтому, чтобы показать независимость мисс Торп и ее решимость унижить представителей другого пола, они немедленно отправились в погоню за двумя молодыми людьми, двигаясь со всей возможной для них скоростью.

ГЛАВА 7

Им потребовалось полминуты, чтобы пройти через галерею к арке напротив Юнион-Пассажа; но здесь они остановились. Каждый, кто знаком с Батом, не забудет трудности пересечения Чип-стрит в этом месте; это действительно улица настолько невыносимого характера, настолько неудачно связанная с главными дорогами на Лондон и Оксфорд, и ведущая к лучшей гостинице города, что не проходит ни дня, чтобы группы дам, как бы важны ни были их дела, будь то поиск пирожных, головных уборов или даже (как в данном случае) молодых людей, не задерживались на этой или другой стороне каретами, всадниками или экипажами. С этим бедствием Изабелла сталкивалась и по его поводу безнадежно сокрушалась, по меньшей мере, три раза в день, с тех пор как поселилась в Бате; и теперь ей было суждено снова встретиться и горевать из-за этой беды, ибо в тот самый момент, когда они оказались напротив Юнион-Пассажа, не потеряв из виду двух джентльменов, которые пробирались сквозь толпу, временами попадая в канавы на краю запруженной гуляющими аллеи, путь им преградила приближающаяся коляска, ехавшая по выщербленному тротуару под управлением лихого молодого возницы, энергичные маневры которого могли подвергнуть опасности его собственную жизнь, жизнь его пассажира, да и лошади.

– О, эти ужасные кабриолеты! – воскликнула Изабелла, закатив глаза. – Как я их ненавижу!

Но эта ненависть, хотя и вполне оправданная, была недолгой, потому что она взглянула снова и воскликнула:

– Прелестно! Мистер Морланд и мой брат!

– Боже мой! Это Джеймс! – воскликнула в тот же момент Кэтрин; и, повинуясь воле молодого человека увидевшего их, лошадь резко остановилась, чуть не став на дыбы, джентльмены спрыгнули на тротуар, оставив экипаж заботам тут же подбежавшего слуги.

Кэтрин, для которой эта встреча была совершенно неожиданной, обратилась к брату с самым живым удовольствием; а он, будучи очень любезным и искренне привязанным к ней, всячески старался, насколько позволяло его время, выразить ей свое не меньшее восхищение, в то время как сверкающий взор мисс Торп неотрывно был обращен к нему; и ее благосклонность была быстро вознаграждена, со смесью радости и смущения, которые смогла бы увидеть Кэтрин, если бы была более искусна в понимании чувств других людей и не была бы так поглощена своими собственными, как и то, что брат считал ее подругу столь же привлекательной, как и она сама.

Джон Торп, который тем временем отдавал распоряжения относительно лошадей, вскоре присоединился к ним, и от него Кэтрин сразу же получила причитающуюся ей компенсацию; ибо лишь слегка и небрежно приложившись к руке Изабеллы, он приветствовал ее поклоном по всем положенным правилам. Торп был крепким молодым человеком среднего роста, который, обладая простым лицом и неуклюжей фигурой, казалось, боялся показаться слишком красивым, если не наденет костюм конюха, и слишком похожим на джентльмена, за исключением тех случаев, когда он бывал чересчур мягким или, напротив, слишком дерзким там, где это допустимо. Он достал часы:

– Как вы думаете, за сколько мы добрались из Тетбери, мисс Морланд?

– Я не знаю расстояния.

Брат подсказал ей, что это двадцать три мили.

– Двадцать три! – воскликнул Торп. – Двадцать пять, не меньше!

Морланд возразил, опираясь на авторитет дорожных карт, трактирщиков и дорожных указателей; но его друг проигнорировал все; у него был более надежный способ измерения расстояния.

– Я знаю, что если судить по времени, за которое мы доехали, то должно быть двадцать пять, – сказал он. – Сейчас половина четвертого; мы выехали из двора гостиницы в Тетбери, когда городские часы пробили одиннадцать; и я бросаю вызов любому человеку в Англии, который будет утверждать, что моя лошадь проходит меньше десяти миль в час в упряжке; а это дает ровно двадцать пять.

– Вы недосчитали целый час, – сказал Морланд, – было только десять часов, когда мы покинули Тетбери.

– Десять часов! Было одиннадцать, клянусь! Я считал каждый удар часов. Этот ваш брат выведет меня из себя, мисс Морланд; только посмотрите на мою лошадь; вы когда-нибудь видели в жизни животное, настолько созданное для скорости? (Слуга только что сел в коляску и поехал.) Это же чистая кровь! Три с половиной часа и всего двадцать три мили! Посмотрите на это существо и опробуйте вообразить, что такое возможно, если у вас получится.

– Он, безусловно, выглядит великолепно.

– Великолепно! Он и глазом не моргнул, пока мы не доехали до церкви Уолкот; но посмотрите на его экстерьер; посмотрите на его круп; только посмотрите, как он двигается; этот конь не может бежать медленнее десяти миль в час: свяжите ему ноги, и он все равно победит. Что вы думаете о моей коляске, мисс Морланд? Изящная, не правда ли? Отличная подвеска; сделана для города; она у меня меньше месяца. Она была изготовлена для одного парня из Крайстчерча, моего друга, очень хорошего человека; он пользовался ею несколько недель, пока, я думаю, не решил с ней расстаться. Как раз в это время я искал что-нибудь легкое, хотя и почти определился с выбором каррика; но случайно встретил его на Магдаленском мосту, когда он ехал в Оксфорд в прошлом семестре: «Ах! Торп, – сказал он, – вам случайно не нужна такая маленькая коляска? Она превосходна, но я чертовски устал от нее. Вот, черт!» – сказал он. А я: «Я тот, кто вам нужен; сколько вы хотите за нее?». И как вы думаете, сколько он за нее запросил, мисс Морланд?

– Уверена, что вообще ничего не смогу предположить.

– Видите ли, коляска полностью обшита; сиденье, рундук, футляр для ружей, защитная доска, лампы, серебряное литье – все в комплекте; железные детали как новые, а то и лучше. Он попросил пятьдесят гиней; я сразу же согласился, заплатил, и экипаж стал моим.

– Не сомневаюсь, – сказала Кэтрин, – что так мало знаю о подобных вещах, что не могу судить, было ли это дешево или дорого.

– Ни то, ни другое; я мог бы получить это дешевле, осмелюсь предположить; но я ненавижу торговаться, а бедному Фримену нужны были наличные.

– Это было очень мило с вашей стороны, – одобрила Кэтрин, весьма довольная.

– О, черт! Когда у тебя есть возможность сделать доброе дело другу, мне не хочется жалеть что-то для него.

Были выяснены дальнейшие намерения молодых леди; и, узнав, куда они направляются, было решено, что джентльмены должны сопровождать их до Эдгар-билдинг и выразить почтение миссис Торп. Джеймс и Изабелла шли впереди; а Изабелла была настолько довольна своей удачей, настолько довольна тем, что старалась сделать приятной прогулку тому, кто обладал сразу двумя достоинствами – быть другом ее брата и братом ее подруги, – тем, что ее чувства были настолько чисты и неигривы, что, хотя они и догнали и обогнали двух провинившихся молодых людей на Милсом-стрит, она была настолько далека от того, чтобы привлечь их внимание, что оглянулась на них всего три раза.

Джон Торп, конечно же, остался с Кэтрин и, после нескольких минут молчания, возобновил разговор о своей коляске.

– Однако, мисс Морланд, вы обнаружите, что некоторые сочтут ее дешевой, ведь я мог бы продать ее на десять гиней дороже на следующий же день; Джексон из Ориела сразу же предложил мне шестьдесят; Морланд тому свидетель.

– Да, – согласился Морланд, услышав это, – но вы забываете, что ваш конь тоже был включен в цену.

– Мой конь! О, черт возьми! Я бы не продал своего коня и за сто фунтов. Вам нравятся открытые коляски, мисс Морланд?

– Да, очень; у меня почти никогда не бывает возможности прокатиться в такой, но мне это особенно нравится.

– Я рад этому; я буду катать вас на своей каждый день.

– Спасибо, – сказала Кэтрин, несколько обеспокоенная сомнениями в уместности принятия такого предложения.

– Завтра я отвезу вас на холм Лансдаун.

– Спасибо; но разве ваша лошадь не нуждается в отдыхе?

– Отдыхе! Он сегодня проскакал всего двадцать три мили; ерунда; ничто так не губит лошадей, как отдых; ничто так быстро не приводит их к немощи. Нет, нет; я буду тренировать своих лошадей в среднем по четыре часа каждый день, пока буду здесь.

– Неужели! – очень серьезно сказала Кэтрин. – Это будет сорок миль в день.

– Сорок! Да хотя бы пятьдесят, мне все равно. Что ж, завтра я отвезу вас в Лансдаун; имейте в виду, это решено.

– Как это будет замечательно! – воскликнула Изабелла, обернувшись. – Моя дорогая Кэтрин, я вам очень завидую; но боюсь, брат, у тебя уже не останется места для третьего пассажира.

– И правда, для третьего! Нет и нет; я приехал в Бат не для того, чтобы катать своих сестер; это была бы хорошая шутка, честное слово! О тебе должен позаботиться Морланд.

Все это привело к непринужденному диалогу между братом и сестрой; но Кэтрин не слышала ни подробностей, ни результата. Разговор ее спутницы теперь сошел с прежнего оживленного накала до коротких, решительных фраз, вызывавших согласие или осуждение на лице каждой встречной женщины; и Кэтрин, выслушав и согласившись, насколько это было возможно, со всей учтивостью и почтением юного женского ума, опасаясь высказать собственное мнение, противоречащее мнению уверенного в себе мужчины, особенно когда речь идет о красоте ее собственного пола, наконец, осмелилась сменить тему вопросом, который долгое время занимал ее мысли:

– Вы читали «Удольфо», мистер Торп?

– «Удольфо»! О, Господи! Только не я; я никогда не читаю романы; у меня есть другие дела.

Кэтрин, смирившаяся и пристыженная, собиралась извиниться за свой вопрос, но он остановил ее, сказав:

– Все романы полны всякой чепухи и всякой ерунды; со времен «Тома Джонса» не вышло ни одного более-менее приличного, кроме «Монаха»¹⁴; я читал его на днях; а что касается всех остальных, то это самые глупые вещи на свете.

– Думаю, все же, вам понравится «Удольфо», если вы его прочтете; это очень интересная книга.

– Нет, бога ради! Ни за что! Если я и буду что-нибудь читать, то только произведения миссис Рэдклифф; ее романы достаточно забавны; их стоит прочитать; в них есть и веселье, и естественность.

– Фабулу «Удольфо» придумала миссис Рэдклифф, – возразила Кэтрин с некоторым колебанием, опасаясь его смутить.

¹⁴ «История Тома Джонса, найденныша» («The History of Tom Jones, a Foundling», 1749) – книга Генри Филдинга (1707–1754). «Монах» («The Monk», 1796) – готический роман Мэтью Грегори Льюиса (1775–1818).

– Не уверен; действительно ли это так? Да, вспомнил, так и было; я думал о той другой дурацкой книге, написанной той женщиной, из-за которой столько шума подняли, о той, которая вышла замуж за французского эмигранта.

– Полагаю, вы имеете в виду «Камиллу»?

– Да, это та самая книга; какая-то несусветная чушь! Старик, качающийся на качелях; я как-то взял в руки первый том и пролистал его, но вскоре понял, что он мне не подходит; более того, я догадался, что это за чепуха, еще до того, как увидел ее: как только я услышал, что она вышла замуж за эмигранта, я сразу понял, что никогда не смогу дочитать это до конца.

– Я никогда этого не читала.

– Уверяю вас, вы ничего не потеряли; это самая ужасная чушь, которую только можно себе представить; в этом нет ничего, кроме раскачивания старика на качелях и изучения латыни; клянусь, ничего.

Эта критика, справедливость которой, к сожалению, не была столь очевидной бедной Кэтрин, заполнила их путь до дверей жилища миссис Торп, и чувства проникательного и непредвзятого читателя «Камиллы» уступили место чувствам послушного и любящего сына, когда они встретили миссис Торп, которая увидела их сверху, когда они были еще в пассаже.

– Ах, мама! Как дела? – сказал он, крепко пожимая ей руку.

– Откуда у тебя эта ужасная шляпа? В ней ты похожа на старую ведьму. Мы с Морландом приехали погостить у тебя несколько дней, так что тебе нужно поискать пару подходящих спальных мест где-нибудь поблизости.

И такое вот обращение, казалось, удовлетворило все самые сокровенные желания материнского сердца, ибо она приняла его с самой радостной и ликующей любовью. Затем он одарил своих двух младших сестер равной долей братской нежности, спросив каждую из них, как у них дела, и заметив, что обе они выглядят ужасно.

Его манеры не понравились Кэтрин; но он был другом Джеймса и братом Изабеллы; и ее мнение еще больше укрепилось после того, как Изабелла, когда они удалились посмотреть новую шляпку, заверила ее, что Джон считает ее самой очаровательной девушкой в мире, и после того, как Джон пригласил ее на танец перед тем, как они отправились танцевать с ним этим вечером. Если бы она была старше или тщеславнее, такие нападки вряд ли бы что-то изменили; но там, где молодость и неуверенность сочетаются, требуется необычайная стойкость разума, чтобы противостоять соблазну называться самой очаровательной девушкой в мире и так поспешно соглашаться на роль партнерши; и следствием этого стало то, что, когда два Морланда, посидев час с Торпами, отправились вместе к мистеру Аллену, стоило двери за ними закрыться, Джеймс спросил:

– Ну, Кэтрин, как тебе мой друг Торп?

Вместо того чтобы ответить, как, вероятно, сделала бы, если бы не существовало дружбы и лестии: «Он мне совсем не нравится», она ответила без колебаний:

– Он мне очень понравился; он кажется очень приятным человеком.

– Он самый добродушный парень на свете; немного брюзга, но, я думаю, это придаст ему шарм в глазах противоположного пола. А как тебе остальные члены семьи?

– Очень, в самом деле, очень, особенно Изабелла.

– Я очень рад это слышать; она именно та молодая женщина, рядом с которой я хотел бы видеть тебя; у нее столько здравого смысла, она такая искренняя и приветливая; я всегда хотел, чтобы вы познакомились; и, кажется, она очень тебя любит. Она сказала в твой адрес самые лучшие слова, какие только можно было сказать; и похвалой такой девушки, как мисс Торп, даже ты, Кэтрин, – нежно пожимая ей руку, – можешь гордиться.

– Я действительно ее очень люблю, – ответила она, – и рада узнать, что она тебе тоже нравится. Ты о ней лишь упомянул, когда писал мне после своего визита к ним.

– Потому что я подумал, что скоро сам тебя увижу. Надеюсь, вы прекрасно проведете время вместе, пока будете в Бате. Она очень милая девушка; у нее такой превосходный ум! Как же ее любит вся семья; она явно всеобщая любимица; и как же ею, должно быть, восхищаются в таком месте, как это, не правда ли?

– Да, мне кажется, это действительно так; мистер Аллен считает ее самой красивой девушкой в Бате.

– Смею предположить, что так оно и есть; я не знаю ни одного человека, который был бы лучшим ценителем красоты, чем мистер Аллен. Мне нет необходимости спрашивать тебя, счастлива ли ты здесь, моя дорогая Кэтрин; с такой спутницей и подругой, как Изабелла Торп, ты не могла бы чувствовать себя иначе; и я уверен, что Аллены очень добры к тебе?

– Да, очень любезны; я никогда прежде не была так счастлива; а теперь, когда ты приехал, это будет еще приятнее; как же хорошо, что ты специально проделал такой долгий путь, чтобы навестить меня.

Джеймсу была приятна ее благодарность и, чтобы показать это, он с полной искренностью сказал:

– Воистину, Кэтрин, я тебя очень люблю.

Они расспрашивали друг друга и рассказывали друг другу о братьях и сестрах, о обыденной жизни одних, успехах остальных и других семейных делах, и так продолжалось, за исключением небольшого отступления со стороны Джеймса, в котором он хвалил мисс Торп, пока они не добрались до Пултни-стрит, где его с большой любезностью встретили мистер и миссис Аллен. Первый пригласил его пообедать с ними, а вторая попросила угадать цену и отдать должное достоинствам новой шляпки и шарфика. Предварительная договоренность о встрече в Эдгар-билдинг помешала ему принять приглашение мистера Аллена и вынудила его поспешить, чтобы исполнить ранее данное обещание. После того как время встречи двух сторон в Восьмиугольном зале было точно согласовано в соответствии с приличиями, Кэтрин осталась наедине со своим беспокойным, испуганным воображением, погруженным в страницы «Удольфо», оторванная от всех мирских забот, связанных с подготовкой к ужину, неспособная успокоить опасения миссис Аллен по поводу задержки визита портнихи и имеющая не более одной минуты из шестидесяти, чтобы посвятить ее столь важным размышлениям о собственном счастье, ведь она уже была ангажирована на этот вечер.

ГЛАВА 8

Однако, несмотря на «Удольфо» и портниху, компания с Пултни-стрит прибыла в Верхние Залы вовремя. Торпы и Джеймс Морланд были там всего на две минуты раньше них; Изабелла, совершив обычную церемонию встречи со своей подругой с самой улыбочивой и нежной поспешностью, восхитившись ее платьем и позавидовав локонам ее прически, последовала рука об руку с ней и их спутниками в зал, перешептываясь друг с другом всякий раз, когда им приходила в голову какая-либо мысль, и заменяя многие ответы пожатием руки или нежной улыбкой.

Танцы начались через несколько минут после того, как они расселись; Джеймс, который, как и его сестра заранее был связан обещанием, очень настойчиво приглашал Изабеллу на танец; но, так как Джон ушел в комнату для игры в карты встретиться с другом, Изабелла заявила, что ничто не заставит ее присоединиться к танцующим раньше, чем к ней присоединится и ее дорогая Кэтрин.

– Уверю вас, – сказала она, – я ни за что на свете не стану танцевать без вашей дорогой сестры; иначе мы бы точно расстались на весь вечер.

Кэтрин с благодарностью приняла эту любезность, и они сохранили свои намерения еще три минуты, до тех пор, пока Изабелла, которая разговаривала с Джеймсом, стоявшим по другую ее руку, не повернулась снова к его сестре и прошептала:

– Моя дорогая, боюсь, я должна оставить вас, ваш брат так нетерпеливо ждет танца; я уверена, вы не будете против моего отсутствия, и, смею предположить, Джон вернется через мгновение, и тогда вы легко сможете меня найти.

Кэтрин, хотя и немного разочарованная, обладала слишком доброй душой, чтобы оказывать сопротивление, и, поскольку остальные поднялись, Изабелла успела лишь пожать руку подруге и сказать: «Прощайте, моя дорогая», прежде чем они поспешили уйти.

Младшие мисс Торп тоже уже танцевали, и Кэтрин была брошена на милость миссис Торп и миссис Аллен, с которыми она теперь и оставалась. Она не могла не расстраиваться из-за отсутствия мистера Торпа, поскольку не только очень хотела танцевать, но и понимала, что, поскольку истинное ее положение уже ангажированной на танец было неизвестно другим, она разделяла со многими молодыми леди, все еще остававшимися без приглашения, все унижение, связанное с отсутствием партнера. Быть опозоренной в глазах всего мира, носить клеймо бесчестия, когда ее сердце чисто, поступки невинны, а истинной причиной ее унижения является проступок другого человека, – это одно из тех типичных обстоятельств, которые присущи исключительно жизни героини, и именно стойкость в таких обстоятельствах особенно облагораживает ее характер. Кэтрин обладала стойкостью; она страдала, но не проронила ни слова.

Она избавилась от этого состояния унижения спустя десять минут, увидев не мистера Торпа, а мистера Тилни, в трех ярдах от того места, где они сидели; казалось, он двигался в их сторону, но не заметил ее, и поэтому улыбка и румянец, которые вызвало у Кэтрин его внезапное появление, остались втуне, не запятнав ее достоинства героини. Он выглядел таким же красивым и живым, как всегда, и с интересом беседовал с модно одетой и приятной на вид молодой женщиной, которая опиралась на его руку, и которую Кэтрин сразу же приняла за его сестру, таким образом, необдуманно упустив прекрасную возможность считать его соперником для нее навсегда, в силу того, что он окажется уже женат. Но, руководствуясь лишь простыми и вероятными соображениями, ей никогда не приходило в голову, что мистер Тилни может быть женат; он не вел себя и не говорил так, как женатые мужчины, с которыми она привыкла общаться; он никогда не упоминал о жене, но признавал наличие сестры. Из этих обстоятельств сразу же вытекало заключение, что его сестра и есть теперь рядом с ним; и поэтому,

вместо того чтобы побледнеть, как смерть, и упасть в обмороке на грудь миссис Аллен, Кэтрин сидела прямо, в полном здравии, с щеками лишь немного порозовевшими.

Мистер Тилни и его спутница, которые продолжали, хотя и медленно, приближаться, уступили место даме, знакомой миссис Торп, которая остановилась, чтобы поговорить с ней, и они, невольно привязанные к ней, тоже остановились; и Кэтрин, поймав взгляд мистера Тилни, тут же была награждена улыбкой в знак узнавания. Она с удовольствием ответила ему такой же улыбкой, а затем, подойдя еще ближе, он заговорил и с ней, и с миссис Аллен, которая, в свою очередь, очень вежливо ответила тем же.

– Я очень рада снова вас видеть, сэр; я боялась, что вы уехали из Бата.

Он поблагодарил ее за беспокойство и сказал, что вынужден был покинуть город на неделю уже на следующее утро после того, как ему посчастливилось с ней увидеться.

– Что ж, сэр, смею предположить, вы не жалеете, что вернулись, ведь это как раз то место, которое интересно молодым людям... и, собственно, всем остальным тоже. Когда мистер Аллен говорит, что ему здесь надоело, я возражаю, что, уверена, ему не стоит жаловаться, ведь это такое приятное место, здесь гораздо лучше, чем дома в это унылое время года. Я уверяю, ему очень повезло, что его отправили сюда для поправки здоровья.

– И я надеюсь, мадам, что мистер Аллен будет вынужден полюбить это место, поскольку оно окажется для него полезным.

– Спасибо, сэр. Я не сомневаюсь, что так и будет. Наш сосед, доктор Скиннер, приезжал сюда прошлой зимой из-за проблем со здоровьем и вернулся посвежевшим.

– Это обстоятельство должно вселять большую надежду.

– Да, сэр, доктор Скиннер и его семья пробыли здесь три месяца; поэтому я говорю мистеру Аллену, что ему не следует спешить уезжать.

Их разговор прервала просьба миссис Торп к миссис Аллен немного подвинуться, чтобы освободить место для миссис Хьюз и мисс Тилни, которые согласились присоединиться к их компании. Так и было сделано, мистер Тилни продолжал стоять перед ними; и после нескольких минут раздумий он пригласил Кэтрин потанцевать с ним. Эта любезность, сколь бы приятной она ни была, сильно огорчила даму; и, отказывая, она выразила свое сожаление настолько эмоционально, словно действительно чувствовала его, и если бы Торп, появившись он на полминуты раньше, но в действительности присоединившийся к ней чуть позже, мог бы посчитать ее страдания слишком сильными.

Непринужденная манера, в которой он объяснял ей, почему заставил ее ждать, несколько не примирила ее с пережитым разочарованием; и подробности, о которых он заговорил стоя перед ней, о лошадях и собаках друга, с которым он только что расстался, и о предполагаемом обмене терьерами между ними, не заинтересовали ее настолько, чтобы она перестала часто обращать взор в ту часть комнаты, где оставила мистера Тилни. Ее дорогой Изабеллы, которой она особенно хотела показать этого джентльмена, рядом не было. Они оказались в разных компаниях. Она была оторвана от всей своей компании и от всех знакомых; одно унижение сменяло другое, и из всего этого она вынесла полезный урок: предварительно полученная договоренность встретиться на балу не обязательно повышает достоинство или удовольствие молодой леди. От такого поучительного настроения ее внезапно отвлекло прикосновение к плечу, и, обернувшись, она увидела миссис Хьюз в сопровождении мисс Тилни и некоего джентльмена.

– Прошу прощения, мисс Морланд, – обратилась та, – за эту вольность, но я никак не могу добраться до мисс Торп, а миссис Торп уверила меня, что вы не станете возражать против того, чтобы вам представили одну молодую леди.

Миссис Хьюз не могла бы обратиться ни к одному другому существу в комнате, с большей готовностью согласную оказать ей услугу, чем Кэтрин. Молодые леди познакомились друг с другом; мисс Тилни отдала должное такой любезности, мисс Морланд с истинной деликатностью великодушного человека отнеслась с юмором к сделанному одолжению; а миссис Хьюз,

довольная тем, что так достойно уладила дела со своей юной подопечной, вернулась к своей компании.

У мисс Тилни была стройная фигура, милое лицо с очень располагающим выражением на нем; и ее манера держаться, хотя и не обладала той демонстративной претенциозностью и решительной элегантностью, что и у мисс Торп, отличалась большей естественной изысканностью. Ее манеры обнаруживали здравый смысл и хорошее воспитание; она не была ни застенчивой, ни притворно открытой; казалось, даже на балу она способна быть молодой и привлекательной, не стремясь привлечь внимание каждого мужчины рядом с собой, и не испытывая преувеличенных чувств иступленного восторга или невообразимого раздражения по поводу каждой мелочи. Кэтрин, заинтригованная ее внешностью и родством с мистером Тилни, захотела ближе познакомиться с ней и охотно разговаривала, когда ей находилось что сказать, и у нее хватало на это смелости и времени. Препятствием, однако, на пути к быстрому сближению, создаваемым частым отсутствием одного или всех этих необходимых условий, становилось лишь самое начало беседы, когда они пытались выяснить, насколько другой нравится Бат, как сильно она восхищается его зданием и окрестностями, рисует ли она, играет ли на музыкальных инструментах или поет, и любит ли она ездить верхом.

Не успели закончиться два танца, как верная Изабелла нежно взяла Кэтрин за руку и в радостно воскликнула:

– Наконец-то я вас нашла! Моя дорогая, я искала вас целый час. Что могло привести вас в эту часть зала, в то время как вы хорошо знали, что я совершенно в другой? Мне было так плохо без вас.

– Дорогая моя Изабелла, как мне удалось бы присоединиться к вам? Я даже не видела, где вы находитесь.

– А я все время говорила вашему брату, но он меня не слушал. Сходите и поищите ее, мистер Морланд, – настаивала я, – но все было напрасно, он и на дюйм не сдвинулся с места. Разве не так, мистер Морланд? Вы все такие невыносимо ленивые! Я его так сильно ругала, дорогая Кэтрин, вас бы это удивило. Вы же знаете, я никогда не соблюдаю приличия с такими людьми.

– Посмотрите на ту молодую леди с белыми бусами в волосах, – прошептала Кэтрин, отрывая подругу от Джеймса. – Это сестра мистера Тилни.

– О, Боже! Что вы говорите! Дайте мне взглянуть на нее прямо сейчас. Какая очаровательная девушка! Я никогда не видел ничего столь прекрасного! Но где ее всех покоряющий брат? Он в зале? Укажите мне на него немедленно, если он здесь. Я умираю от желания увидеть его. Мистер Морланд, вы не должны это слушать. Мы говорим не о вас.

– Но что это за шушуканье? Что происходит?

– Ну вот, я знала, чем все закончится. У вас, мужчин, такое неутолимое любопытство! Куда уж женскому любопытству! Это пустяки. Но довольствуйтесь тем, что ничего об этом узнать не сможете.

– Вы думаете, меня это удовлетворит?

– Что ж, признаюсь, я никогда не встречала никого подобного вам. Как это может относиться к вам, то, о чем мы говорим? Возможно, мы говорим о вас; поэтому я бы посоветовала вам вообще не слушать, иначе можете услышать что-то не очень приятное.

В этой заурядной болтовне, которая продлилась некоторое время, первоначальная тема, казалось, была полностью забыта; и хотя Кэтрин очень радовалась, что ее на время оставили своим вниманием, она не могла не испытывать некоторого подозрения из-за полного отказа от жгучего до того желания Изабеллы увидеть мистера Тилни. Когда оркестр заиграл новый танец, Джеймс хотел увести свою прекрасную партнершу, но она продолжала сопротивляться.

– Говорю вам, мистер Морланд, – воскликнула она, – я бы ни за что на свете не сделала ничего подобного. Как вы можете быть столь невыносимы? Только представьте, дорогая

Кэтрин, чего хочет от меня ваш брат. Он хочет, чтобы я снова танцевала с ним, хотя я говорю ему, что это совершенно неприлично и противоречит правилам. Если мы не поменяемся партнерами, это сделает нас предметом сплетен всего собрания.

– Клянусь честью, – возразил Джеймс, – на здешних публичных собраниях это происходит так же часто, как часто не происходит.

– Чепуха, как вы можете так говорить? Когда у вас, мужчин, есть определенная цель, вы никогда ни за что не принимаете во внимание ничего другого. Моя милая Кэтрин, поддержите меня; убедите своего брата, что это невозможно. Скажите ему, что вас бы очень шокировало, если бы я сделала что-то подобное; не так ли?

– Вовсе нет; но если вы посчитаете, что это неправильно, ему лучше не упорствовать.

– Вот, – воскликнула Изабелла, – вы слышите, что говорит ваша сестра, и все же не обращаете на нее внимания. Что ж, помните, что это не моя вина, если мы приведем в расстройство всех старушек в Бате. Пойдемте, моя дорогая Кэтрин, ради бога, и будьте рядом со мной.

И они отправились обратно на свои прежние места. Джон Торп тем временем удалился; а Кэтрин, всегда готовая дать мистеру Тилни возможность повторить приятную просьбу, которая уже однажды польстила ей, как можно быстрее направилась к миссис Аллен и миссис Торп в надежде найти его все еще с ними – надежда, которая, так и не реализовавшись, показалась ей крайне неразумной.

– Ну, моя дорогая, – сказала миссис Торп, с нетерпением ожидая похвалы в адрес сына, – надеюсь, у вас был приятный партнер.

– Очень приятный, мадам.

– Я этому рада. У Джона прекрасный характер, не правда ли?

– А встретился ли вам мистер Тилни, дорогая? – поинтересовалась миссис Аллен.

– Нет, а где он?

– Он только что был с нами и сказал, что так устал ничего не делать, что решил пойти потанцевать; поэтому я подумал, что, возможно, он пригласит вас, если встретится с вами.

– Где же он может быть? – спросила Кэтрин, оглядываясь по сторонам; но не успела осмотреть весь зал, как увидела, что он ведет на танец молодую даму.

– Ах! У него уже появилась партнерша; жаль, что он не пригласил вас, – сказала миссис Аллен, и после короткого молчания добавила, – он очень приятный молодой человек.

– Именно так, миссис Аллен, – согласилась миссис Торп, самодовольно улыбаясь; – должна сказать, хотя я его мать, что нет на свете более приятного молодого человека.

Это не совсем понятное уточнение могло запутать многих; но миссис Аллен это не озадачило, потому что, немного подумав, она прошептала Кэтрин:

– Смеею предположить, что она подумала, будто я говорю о ее сыне.

Кэтрин была разочарована и расстроена. Казалось, ей не хватило совсем немного, чтобы не упустить то, что она задумала; и это убеждение не подталкивало ее к любезному ответу, когда вскоре к ней подошел Джон Торп и сказал:

– Что ж, мисс Морланд, полагаю, нам с вами снова нужно образовать пару и потанцевать.

– О нет; я вам очень благодарна, но мы уже станцевали два танца; к тому же, я устала и больше танцевать не собираюсь.

– В самом деле? Тогда давайте пройдемся и навестим тех, кто развлекается викторинами. Пойдемте со мной, и я представлю вам четырех лучших знатоков викторин в зале: моих двух младших сестер и их партнеров. Я посмеиваюсь над ними уже полчаса.

Кэтрин снова с извинением отказалась, а он наконец отошел, чтобы самому расспросить сестер. Остаток вечера показался ей очень скучным; мистер Тилни отвлекся от их чаепития, чтобы присоединиться к чаепитию своей партнерши; мисс Тилни, хотя и была среди гостей, не села рядом с ней, а Джеймс и Изабелла были так увлечены разговором, что у последней не

оставалось времени, чтобы уделить своей подруге больше, чем одну улыбку, одно объятие и одно «дорогая Кэтрин».

ГЛАВА 9

Раздражение Кэтрин после событий вечера развивалось следующим образом. Сначала, пока она находилась в зале, оно проявилось в общем недовольстве всеми окружающими, что быстро привело к сильной усталости и непреодолимому желанию вернуться домой. Вернувшись на Пултни-стрит, она почувствовала невероятный голод, который, будучи утоленным, сменился непреодолимым желанием лечь в постель – столь велико было ее отчаяние; оказавшись в постели, она тут же погрузилась в крепкий сон, длившийся девять часов, проснулась совершенно бодрой, в отличном настроении, с новыми надеждами и новыми планами. Первым ее желанием было лучше узнать мисс Тилни, и первым ее решением было найти ее с этой целью в галерее в полдень. Это было лучшее место, чтобы встретить совсем недавно прибывшую в Бат молодую леди, и это место, как она уже убедилась, было наилучшим для раскрытия женских талантов и углубления женской близости, столь прекрасно приспособленным для тайных бесед и безграничного доверия, что она вполне могла рассчитывать на появление еще одной подруги в его стенах. Таким образом, определившись с планом на утро, после завтрака она спокойно села за книгу, решив оставаться на том же месте и заниматься тем же делом до часа дня; и по привычке ее совсем не смущали замечания и выпады миссис Аллен, чья рассеянность и неспособность мыслить были таковы, что, хотя она никогда не говорила ни о чем, хотя бы кому-то интересном, тем не менее никогда не могла полностью хранить молчание; и поэтому, сидя за работой, если она теряла иглу или рвала нитку, если слышала карету на улице или видела пятнышко на своем платье, она должна была говорить об этом вслух, независимо от того, был ли рядом кто-нибудь, чтобы ответить ей. Примерно в половине двенадцатого раздался необычайно громкий стук, и она в спешке подошла к окну. Едва она успела сообщить Кэтрин, что у дверей стоят два открытых экипажа – в первом только слуга, а во втором ее брат и мисс Торп, – как Джон Торп взбежал наверх, выкрикивая:

– Ну, мисс Морланд, вот и я. Вы долго ждали? Мы не могли приехать раньше; этот чертов старый каретник так долго искал подходящие экипажи, а теперь шансы десять тысяч против одного за то, что он сломается, прежде чем мы выедем за город. Как дела, миссис Аллен? Вчерашний вечер выдался славным, не так ли? Пойдемте, мисс Морланд, поторопитесь, остальные чертовски спешат. Им не терпится прокатиться.

– Что вы имеете в виду? – удивилась Кэтрин. – Куда вы все едете?

– Едете? Вы же не забыли о нашей договоренности! Разве мы не решили сегодня утром прокатиться в экипаже? Что за голова у вас на плечах! Мы едем на Клейвертон-Даун.

– Я помню, что об этом был разговор, – сказала Кэтрин, ожидая мнения миссис Аллен, – но я действительно не ожидала, что вы появитесь.

– Не ожидали меня! Великолепно! И как недовольны вы были бы, если бы я не явился!

Между тем, безмолвное обращение Кэтрин к компаньонке было полностью проигнорировано, поскольку миссис Аллен, совершенно не привыкшая выражать свои чувства взглядом, не знала, что кто-то другой когда-либо мог прибегнуть к такому; и Кэтрин, чье желание снова увидеть мисс Тилни в тот момент могло быть немного отодвинуто ради поездки, и которая считала, что нет ничего неуместного в том, чтобы поехать с мистером Торпом, поскольку Изабелла ехала одновременно с Джеймсом, поэтому была вынуждена задать прямой вопрос.

– Ну, мэм, что вы скажете на это? Возможно ли уделить час или два прогулке? Могу ли я поехать?

– Делайте, как вам угодно, дорогая, – ответила миссис Аллен совершенно равнодушно. Кэтрин последовала совету и побежала переодеться. Через несколько минут она появилась снова, едва дав оставшимся в комнате время произнести несколько коротких хвалебных фраз

после того, как Торп добился-таки восхищения миссис Аллен своим экипажем; получив на прощание добрые пожелания компаньонки, они оба поспешили вниз.

– Мое милое создание, – воскликнула Изабелла, в которой долг дружбы пробудился прежде, чем та успела сесть в карету, – вы потратили на сборы как минимум три часа. Я даже начала опасаться, что вы заболели. Какой чудесный бал случился вчера вечером. У меня тысяча слов, которые я хочу вам сказать; но поторопитесь и садитесь, потому что мне очень хочется наконец уехать.

Кэтрин выполнила ее указания и стала смотреть в другую сторону, но вскоре услышала, как ее подруга громко сказала Джеймсу:

– Какая она милая девушка! Я ее просто обожаю.

– Вам не следует пугаться, мисс Морланд, – сказал Торп, помогая ей сесть в экипаж, – если мой конь сначала немного дернет. Скорее всего, он сделает пару рывков, а может быть, и немного постоит; но скоро он признает своего хозяина. Он полон энергии, игрив, как никогда, но у него нет недостатков.

Кэтрин не сочла такой образ очень привлекательным, но отступать было уже поздно, и она была слишком неопытна, чтобы признаться в своем страхе; поэтому, смирившись со своей судьбой и доверившись хвастливому обещанию, что животное признает своего хозяина, она спокойно села и наблюдала, как Торп сел рядом с ней. После того, как все было устроено, слуге, державшему коня под уздцы, важным голосом было велено – отпустить его, и они тронулись самым спокойным образом, каким только можно себе представить, без рывков, скачков или чего-либо подобного. Кэтрин, обрадованная столь счастливым исходом, выразила свою благодарность за такой удивительный сюрприз; и ее спутник тут же, без излишней скромности, заверил ее, что это произошло исключительно благодаря тому, как умело он держал поводья, и благодаря исключительной проницательности и ловкости, с которой он управлялся с кнутом. Кэтрин, хотя и не могла не удивляться тому, что, обладая таким совершенным мастерством управления лошадью, он счел необходимым предупредить ее о ее проделках, искренне поздравила себя с тем, что находится под опекой такого превосходного возницы; и, заметив, что животное продолжает двигаться так же спокойно, не проявляя ни малейшей склонности к излишней живости, и (учитывая, что его минимальная скорость составляла десять миль в час) отнюдь не слишком быстро, отдалась наслаждению свежим воздухом и физической активностью самого бодрящего свойства в прекрасный мягкий февральский день, при этом с ощущением безопасности. После их первого короткого диалога последовало молчание в несколько минут, которое было прервано неожиданным замечанием Торпа: «Старый Аллен богат, как еврей, не так ли?». Кэтрин его не поняла, и он повторил свой вопрос, добавив в качестве пояснения: «Старый Аллен, тот, с чьей семьей вы приехали».

– А! Мистер Аллен, вы имеете в виду? Да, я полагаю, он очень богат.

– И у него совсем нет детей?

– Нет, ни одного.

– Это станет настоящим сюрпризом для его будущих наследников. Он ведь ваш крестный отец, не так ли?

– Мой крестный отец! Вовсе нет!

– Но вы всегда находитесь рядом с ними.

– Да, это так.

– Вот, именно это я и имел в виду. Он кажется довольно добрым стариком и, смею сказать, прожил очень хорошую жизнь; подагра у него не просто так. Он теперь выпивает свою бутылку в день?

– Свою бутылку в день! Отнюдь. С чего вы это взяли? Он очень умеренный человек, и вчера вечером разве вы могли вообразить, что он нетрезв?

– Господи, помогите вам! Вы, женщины, уверены в том, что все мужчины пьют. Почему же вы не думаете, что мужчина может захмелеть от бутылки вина? Я уверена в одном: если бы каждый выпивал по бутылке в день, то в мире не было бы и половины тех беспорядков, которые имеют место сейчас. Это было бы замечательным благом для всех нас.

– Мне трудно в это поверить.

– О, Господи, это спасло бы тысячи людей. В нашем королевстве не потребляется даже сотая часть вина, которое следовало бы выпивать. Наш туманный климат нуждается в компенсации.

– Да, я даже слышала, что в Оксфорде пьют очень много вина.

– В Оксфорде! Уверяю вас, сейчас в Оксфорде не пьют. Там вообще никто не пьет. Вы вряд ли встретите человека, который выпивает больше четырех пинт. Например, на последней вечеринке в моей комнате было отмечено удивительное явление: в среднем мы выпили около пяти пинт на человека. И это считалось чем-то исключительным. Уверяю вас, об этом узнали все. В Оксфорде такое встречается крайне редко – и, возможно, это убедит вас. Но это лишь даст вам представление об общем уровне потребления там алкоголя.

– Да, это наводит на мысль, – с теплотой в голосе заключила Кэтрин, – что вы все пьете гораздо больше вина, чем я думала. Однако я уверена, что Джеймс пьет не так много.

Это заявление вызвало громкий и ошеломляющий ответ, ни одна часть которого не была особенно отчетливой, за исключением частых восклицаний, почти граничащих с ругательствами, которыми оно было украшено, и после его окончания у Кэтрин укрепилось убеждение в том, что в Оксфорде пьют много вина, и столь же радостное чувство относительной трезвости ее брата.

Затем все мысли Торпа обратились к достоинствам его собственного экипажа, и ей пришлось восхититься тем, с какой легкостью двигался его конь, и тем, как замечательна его поступь, а также как превосходные пружины придавали плавность движению экипажа. Она, насколько это было в ее силах, разделила все его восхищение.

Превзойти его или обойти его было невозможно. Его знания и ее невежество в этом вопросе, его быстрота речи и ее неуверенность в себе лишали ее этой возможности; она не могла придумать ничего нового в похвалу, но с готовностью повторяла все, что он утверждал, и в конце концов между ними без труда решилось, что его экипаж был самым совершенным в своем роде в Англии, его карета – самой изящной, его лошадь – лучшей в управлении, а он сам – лучшим ездовым.

– Вы ведь не думаете, мистер Торп, – спросила Кэтрин, спустя некоторое время решив, что вопрос окончательно закрыт, и добавив небольшую вариацию на эту тему, – что у Джеймса сломается двуколка?

– Сломается! О, Господи! Видели ли вы когда-нибудь в жизни такую маленькую развалюху? В ней нет ни одной целой железной детали. Колеса прослужили уже как минимум десять лет, а что касается кузова ...! Честное слово, вы сами можете разбить ее вдребезги одним прикосновением. Это самая дьявольская, хлипкая штуковина, которую я когда-либо видел! Слава Богу! Наша куда как лучше. Я бы и за пятьдесят тысяч фунтов не согласился на ней проехать даже двух миль.

– Боже мой! – воскликнула Кэтрин, сильно испугавшись. – Тогда, пожалуйста, давайте вернемся; с ними наверняка случится несчастье, если мы поедем дальше. Пожалуйста, вернитесь, мистер Торп; давайте остановимся, и вы поговорите с моим братом и скажете ему, как это опасно.

– Опасно! О, Господи! Что в этом опасного? Они перевернутся только если коляска сломается; а грязи там достаточно; она будет мягко валиться. О, проклятие! Карета достаточно безопасна, если человек умеет ею управлять; такая вещь в умелых руках прослужит более два-

дцати лет, даже если изрядно износится. Да благословит вас Господь! Я бы поставил пять фунтов на то, что доеду на ней до Йорка и обратно, не потеряв ни гвоздя.

Кэтрин слушала с изумлением; она не знала, как согласовать два столь разных мнения об одном и том же предмете, ведь ее не воспитывали так, чтобы она понимала природу пустословия и знала, к скольким безосновательным утверждениям и наглым лживым заявлениям может привести избыток тщеславия. Ее собственная семья состояла из простых, прагматичных людей, которые не слишком стремились к остроумию; ее отец, в лучшем случае, довольствовался каламбуром, а мать – пословицей; поэтому они не привыкли обманывать, чтобы придать себе больше значимости, или утверждать в один момент нечто, что в следующий будет противоречить тому же. Она долгое время размышляла над этим в полном недоумении и не раз собиралась попросить мистера Торпа прояснить его истинное мнение по этому вопросу; но она останавливала себя, потому что ей показалось, что у него не получится дать какие-нибудь более ясные разъяснения и сделать однозначным то, что раньше он высказывал двусмысленно. И, учитывая, что он на самом деле никогда не допустит, чтобы его сестра и друг подверглись опасности, от которой он мог бы легко их защитить, она в конце концов пришла к выводу, что он должен быть уверен в полной безопасности кареты и поэтому больше не станет беспокоиться. Казалось, он совершенно забыл обо всем этом; и все остальные его разговоры, или, скорее, рассуждения, начинались и заканчивались им самим и его собственными заботами. Он рассказывал ей о лошадях, которых покупал за суммы пустяшные и продавал за невероятные; о скачках, в которых его суждение безошибочно предсказывало победителя; об охотничьих вылазках, на которых он убил птиц больше (хотя и без единого особо удачного выстрела), чем все его товарищи вместе взятые; и описывал ей какой-то знаменитый день охоты на лис с гончими, в котором его предусмотрительность и умение направлять собак исправляли ошибки самого опытного охотника, и в котором его отчаянная верховая езда, хотя и ни на мгновение не подвергала опасности его собственную жизнь, постоянно втягивала других в неприятности, в которых многие, как он спокойно заключил, сломали себе шеи.

Хотя Кэтрин не привыкла судить самостоятельно и ее общие представления о том, какими должны быть мужчины, были весьма противоречивыми, она не могла полностью подавить сомнение, терпя при этом излишняя его бесконечного самомнения, в том, что он совершенно приятен в общении. Это было достаточно смелое предположение, ведь он был братом Изабеллы; и Джеймс заверил ее, что его манеры понравятся всем женщинам; но, несмотря на это, крайняя усталость от его общества, которая навалилась на нее после менее часа общения с ним, и которая неуклонно нарастала, пока они снова не оказались на Пултни-стрит, в какой-то степени заставила ее сопротивляться такому высокому авторитету и усомниться в способности мистера Торпа быть приятным для всех.

Когда они подошли к двери жилища миссис Аллен, удивление Изабеллы было неописуемым: оказалось, что уже слишком поздно, чтобы пригласить подругу в дом. «Уже четвертый час!». Это было немыслимо, невероятно, невозможно! И она не верила ни своим часам, ни часам брата, ни часам слуги; она не верила ни одному из этих показаний, основанных на разуме или реальности, пока Морланд не предъявил свои часы и она не убедилась в том; сомневаться еще хоть мгновение было бы столь же немыслимо, невероятно и невозможно; и она могла лишь снова и снова возражать, что никогда прежде два с половиной часа не пролетали так быстро, но Кэтрин, призванная это подтвердить, не могла солгать даже для того, чтобы угодить Изабелле; однако последняя избежала мучений от несогласия подруги, поскольку просто не стала дожидаться ее ответа. Изабеллу полностью поглотили собственные чувства; ее отчаяние особенно обострилось, когда она поняла, что вынуждена немедленно отправиться домой. Прошла целая вечность с тех пор, как она хоть немного поговорила со своей любимой Кэтрин; и, хотя ей хотелось сказать ей тысячи слов, казалось, что им больше никогда не суждено быть вместе;

поэтому, всхлипывая от неопишуемой тоски и с весельем в глазах от отчаяния, она попрощалась с подругой и удалилась.

Кэтрин застала миссис Аллен только что вернувшейся после утренней суеты и праздности, и тут же услышала:

– Ну, дорогая, вот вы и здесь, – о чем у той не было ни малейшего желания спорить, – и надеюсь, вы хорошо проветрились?

– Да, мэм, спасибо; у нас выдался просто замечательный день.

– То же самое сказала миссис Торп; она была очень рада вашей поездке.

– Значит, вы видели миссис Торп?

– Да, как только вы уехали, я пошла в галерею, там и встретила ее, и мы долго разговаривали. Она рассказала, что сегодня утром на рынке почти не было телятины, телятина стала такой редкостью.

– Вы видели кого-нибудь еще из наших знакомых?

– Да; мы решили свернуть на Кресент, и там мы встретили миссис Хьюз, а также мистера и мисс Тилни, которые шли с ней.

– Правда? И они с вами разговаривали?

– Да, мы полчаса гуляли вместе по Кресент-стрит. Они показались мне очень приятными людьми. Мисс Тилни была в очень красивом пятнистом муслиновом платье, и, судя по тому, что я узнала, она всегда одевается очень элегантно. Миссис Хьюз много рассказывала мне об этой семье.

– И что она вам о них рассказала?

– О! И это было действительно грандиозно; она почти ни о чем другом не говорила.

– Она вам сказала, из какой части Глостершира они родом?

– Да, пожалуй, говорила; но сейчас я не могу вспомнить. Но это очень порядочные люди и очень богатые. Миссис Тилни была мисс Драммонд, и они с миссис Хьюз учились вместе; у семьи мисс Драммонд было очень большое состояние; и, когда она вышла замуж, отец дал ей двадцать тысяч фунтов и пятьсот на покупку свадебного наряда. Миссис Хьюз просматривала всю одежду после того, как она прибывала из магазина.

– А мистер и миссис Тилни сейчас в Бате?

– Да, мне кажется, что это так, но я не совсем уверена. Однако, вспомнив прошлое, я пришла к выводу, что они уже умерли; по крайней мере, мать; да, я уверена, что миссис Тилни умерла, потому что миссис Хьюз рассказывала мне, что мистер Драммонд подарил своей дочери на свадьбу очень красивый жемчужный гарнитур, который теперь находится у мисс Тилни, поскольку его предназначали ей после смерти матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.